Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. Г. Старкова

Городище Немиров на реке Южный Буг

Приложения
К. Б. Калинина,
А. Закосьцельна,
М. Кершнер и Х. Моммзен,
С. В. Хаврин

THE STATE HERMITAGE MUSEUM
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

THE STATE HERMITAGE MUSEUM

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

G. I. Smirnova, M. Ju. Vakhtina, M. T. Kashuba, E. G. Starkova

Nemirov Hill Fort on South Bug River

According the excavation materials of the 20th century from collections of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS

With the Supplements by
K. B. Kalinina, A. Zakościelna, M. Kerschner and H. Mommsen, S. V. Khavrin

St. Petersburg | 2018

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. Г. Старкова

Городище Немиров на реке Южный Буг

По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН

Приложения:
К. Б. Калинина, А. Закосьцельна, М. Кершнер и Х. Моммзен, С. В. Хаврин

Санкт-Петербург | 2018

УДК 902/904
ББК 63.4

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 17-01-16507-ОГН, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Ответственные редакторы:
д. и. н. *А. Ю. Алексеев*, *Ю. Ю. Пиотровский*, д. и. н. *Ю. А.Виноградов*

Рецензенты:
В. С. Бочкарёв, д. и. н. *И. В. Палагута*

Authorized for publication by the Academic Board
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Chief editors:
Dr. hab. *A. Ju. Alekseev*, *Ju. Ju. Piotrovsky*, Dr. hab. *Ju. A. Vinogradov*

Prepublication reviews by *V. S. Bochkarev*, Dr. hab. *I. V. Palaguta*

Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.
(Приложения: Калинина К. Б., Закосьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В.)
Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. — Санкт-Петербург: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 2018. — 336 с. : ил.

Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G.
(With the Supplements by Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V.)
Nemirov Hill Fort on South Bug River. According the excavation materials of the 20th century from collections of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS. — St. Petersburg: The State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture RAS; Neva Book Printing House, 2018. — 336 p. : fig.

ISBN 978-5-9909872-2-7

doi.org/10.31600/978-5-9909872-2-7

Коллективная монография посвящена известному археологическому памятнику — Немировскому городищу на Южном Буге. Основу исследования составили данные, полученные при раскопках городища в XX в. и хранящиеся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН, архиве и коллекциях фондов Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Рассмотрена история изучения памятника С. С. Гамченко (1909 г.), А. А. Спицыным (1910 г.) и М. И. Артамоновым (1946–1948 гг.). Подробно освещены два периода заселения территории городища: в энеолите (трипольская культура) и в раннем железном веке (раннескифская культура). Показано значение городища в раннем железном веке, когда в его материальной культуре отложились западный гальштаттский (в широком значении этого термина) импульс и ранние контакты с греками. Предложена общая схема развития материальной культуры Немировского городища в разные исторические эпохи — от энеолита до новейшего времени. Книга состоит из шести глав и девяти приложений, которые включают каталоги индивидуальных находок трипольской культуры, каталог греческой архаической керамики, а также результаты естественнонаучных анализов керамики трипольской культуры, восточногреческой керамики и поверхности ручки бронзового зеркала. Многие архивные материалы и находки из коллекций впервые вводятся в научный оборот.

Издание предназначено для археологов, историков, специалистов в смежных областях науки, студентов и всех, интересующихся археологией и древней историей Северного Причерноморья и Европы.

The collective monograph is devoted to the famous archaeological site – Nemirov hill-fort on South Bug. At the basis of investigation are the materials from the excavations of the settlement in the 20th century kept in Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS, Archive and collection funds of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum (Saint Petersburg). The book reviews the history of the excavation of the site by S. S. Gamchenko (1909), A. A. Spitzyn (1910), and M. I. Artamonov (1946–1948). The book gives a detailed account of two periods of the occupation of the settlement: in Eneolithic time (Trypillia culture) and Early Iron Age (Scythian culture). The authors showed the significance of the hill-fort in the Early Iron Age, when two impulses reflected in its culture — Hallstatt (in the broad meaning of the term) and early contacts with the Greeks. The general scheme of development of the material culture of the hill-fort in different historical periods — from Eneolithic time till modern epoch — has been suggested. The book consists of the six parts and nine supplements, which include the catalogues of individual finds of Trypillia culture, Greek Archaic pottery and the results of natural-scientific analyses of Trypillia pottery, East-Greek pottery and of the surface of the bronze mirror handle. A lot of archive materials and finds kept in collections are published for the first time.

The book is destined to archaeologists, historians, specialists in related sciences, students and all interested in archaeology and history of the ancient Northern Black Sea and Europe.

© Государственный Эрмитаж, 2018
The State Hermitage Museum, 2018

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Невская книжная типография, 2018
Neva Book Printing House, 2018

© Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.,
Калинина К. Б., Закосьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В., 2018
Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G.,
Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V., 2018

ISBN 978-5-9909872-2-7

Содержание

Предисловие 11

Введение 13

ГЛАВА 1. Немировское городище в работах ученых XX — начала XXI в. 17
1.1. История изучения 17
1.2. Формирование коллекций 44

ГЛАВА 2. Немировское городище как археологический памятник (*Г. И. Смирнова, М. Т. Кашуба*) 45
2.1. Общая характеристика 45
2.2. Оборонительные сооружения — общие сведения 50
2.3. Состояние источников: полевая и архивная документация 54
2.4. Культурно-хронологические горизонты 70
2.5. О методике работы с материалами 71

ГЛАВА 3. Материальный комплекс Немировского городища в энеолите (трипольская культура) (*Е. Г. Старкова*) 75
3.1. История исследований, планиграфия 75
3.2. Керамический комплекс 76
3.3. Антропоморфная пластика 110
3.4. Зооморфная пластика 124
3.5. Изделия из глины 130
3.6. Выводы 135

ГЛАВА 4. Материальный комплекс Немировского городища в раннем железном веке (*Г. И. Смирнова, М. Т. Кашуба*) 137
4.1. Особенности материальной культуры 137
4.2. История формирования коллекции 137
4.3. Изучение коллекции: что остается и что меняется 143
4.4. Объекты и комплексы 145
4.5. Общая характеристика керамического комплекса 168
4.6. Характеристика отдельных категорий находок 180
4.7. Проблема происхождения местной чернолощеной посуды 184
4.8. Некоторые итоги и задачи 192

ГЛАВА 5. Греческая керамика из раскопок Немировского городища (*М. Ю. Вахтина*) 193
5.1. О формировании и истории изучения коллекции 193
5.2. Общая характеристика материалов 195
5.3. Категории греческой керамики из раскопок Немировского городища 195
5.4. О датах и топографии находок греческой керамики 212
5.5. Место коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища среди синхронных находок античного керамического импорта на других памятниках лесостепи 212
5.6. Находки греческой керамики на Немировском городище в контексте проблемы ранних связей между греческим миром и варварскими центрами Северного Причерноморья 214
5.7. Заключение 221

ГЛАВА 6. Периодизация и хронология Немировского городища в раннем железном веке (*Г. И. Смирнова, М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина*) 223
6.1. Периодизация и хронология согласно Г. И. Смирновой 223
6.2. Возможности керамического комплекса для построения периодизации 224
6.3. Хронологические индикаторы 228
6.4. Стратиграфические наблюдения 228
6.5. Обновленная периодизация 231
6.6. Значение и место Немировского городища в раннем железном веке 231

Заключение 234

Послесловие (*Г. И. Смирнова*) 237

Приложение 1. Исследование материалов и техники росписи керамики трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (*К. Б. Калинина*) 238

Приложение 2. Антропоморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (*Е. Г. Старкова*) .. 250

Приложение 3. Зооморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (*Е. Г. Старкова*) .. 254

Приложение 4. Изделия из глины трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (*Е. Г. Старкова*) .. 257

Приложение 5. Кремневый и каменный инвентарь трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (*А. Закосьцельна*) .. 259

Приложение 6. Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа, каталог находок (*М. Ю. Вахтина*) 276

Приложение 7. Археометрические анализы импортной архаической восточногреческой керамики, найденной на Немировском городище. Коллекции Государственного Эрмитажа (*М. Кершнер, Х. Моммзен,* перевод *М. Ю. Вахтиной*) 305

Приложение 8. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа поверхности ручки бронзового зеркала из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (*С. В. Хаврин*) 312

Приложение 9. К вопросу культурной атрибуции открытых на Немировском городище погребений (*Г. И. Смирнова*)..... 313

Литература и архивные материалы 318

Список сокращений 331

Summary 333

Contents

Preface 11

Introduction 13

CHAPTER 1. Nemirovo hill-fort in the works of scholars of 20th — beginning of 21st century 17
1.1. The history of investigation 17
1.2. On the forming of collections 44

CHAPTER 2. Nemirovo hill-fort as an archaeological object
(*G. I. Smirnova*, *M. T. Kashuba*) 45
2.1. General description 45
2.2. Defensive installations – the general data 50
2.3. The state of sources: field and archive documentation 54
2.4. Cultural and chronological levels 70
2.5. On the methods of working at the material 71

CHAPTER 3. Material complex of Nemirovo in the Eneolithic period (Trypillian culture)
(*E. G. Starkova*) 75
3.1. The history of research 75
3.2. Pottery complex 76
3.3. Antropomorphous plastic arts 110
3.4. Zoomorphic plastic arts 124
3.5. Clay products 130
3.6. Conclusions 135

CHAPTER 4. Material complex of Nemirovo in the Early Iron Age
(*G. I. Smirnova*, *M. T. Kashuba*) 137
4.1. The peculiarities of the local culture 137
4.2. The history of collection forming 137
4.3. The study of the collection: what remains and what changes 143
4.4. Objects and complexes 145
4.5. General characteristics of the pottery complex 168
4.6. Characteristics of the individual categories of finds 180
4.7. The problem of origin of the local black-glossed pottery 184
4.8. Some results and tasks 192

CHAPTER 5. Greek pottery from the excavations of Nemirovo (*M. Ju. Vakhtina*) 193
5.1. On the forming and the history of examination of pottery collection 193
5.2. General characteristics of materials 195
5.3. Categories of Greek pottery from the excavations of Nemirovo hill-fort 195
5.4. On the dating and topography of the Greek pottery finds 212
5.5. The place of Greek pottery collection from the excavations of Nemirovo hill-fort among the synchronic finds of Greek pottery imports from the other sites of the forest-steppe zone 212
5.6. Greek pottery finds of Nemirovo hill-fort in the context of a problem of the early interactions between the Greek world and the barbarian sites of the Northern Black Sea Coast 214
5.7. Conclusions 221

CHAPTER 6. Periodization and chronology of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age
(*G. I. Smirnova*, *M. T. Kashuba*, *M. Ju. Vakhtina*) 223
6.1. Periodization and chronology according G. I. Smirnova 223
6.2. Recourses of the pottery complex to chronological elaboration 224
6.3. Chronological indicators 228
6.4. Stratigraphy observations 228
6.5. The periodization renewed 231
6.6. The meaning and the place of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age 231

Conclusions 234

Afterword (*G. I. Smirnova*) 237

Supplement 1. The examination of materials and technique of painting ceramics of the Trypillia culture painted pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (*K. B. Kalinina*) 238

Supplement 2. Antropomorphous plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (*E. G. Starkova*) 250

Supplement 3. Zoomorphic plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (*E. G. Starkova*) 254

Supplement 4. Clay products of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (*E. G. Starkova*) 257

Supplement 5. Flinty and stone inventory of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (*A. Zakościelna*) 259

Supplement 6. Greek Archaic pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum. Catalogue of the finds (*M. Ju. Vakhtina*) 276

Supplement 7. Archaeometric analyses of imports of Archaic East Greek Pottery found at Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (*M. Kerschner, H. Mommsen*, translation by *M. Ju. Vakhtina*) 305

Supplement 8. The results of X-ray fluorescence analysis of the surface of the bronze handle from the excavations of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (*S. V. Khavrin*) 312

Supplement 9. Burials discovered at the territory of Nemirovo hill-fort (*G. I. Smirnova*) 313

Bibliography and Sources 318

Abbreviations 331

Summary 333

ГЛАВА 3. Материальный комплекс Немировского городища в энеолите (трипольская культура)

3.1. История исследования, планиграфия

Материалы трипольской культуры, известные на городище Немиров, обнаружены при раскопках С. С. Гамченко, А. А. Спицына и М. И. Артамонова. Согласно данным полевой документации Юго-Подольской экспедиции 1946–1948 гг. можно лишь сделать заключение, что трипольский слой был сильно разрушен более поздними напластованиями. Видимо, это было сравнительно небольшое по площади поселение с глинобитными площадками и жилищами полуземляночного типа, планиграфию которого определить крайне затруднительно (Артамонов 1998: 59–76).

В фондах ГЭ хранятся три трипольских коллекции: из раскопок М. И. Артамонова (№ 245, 276), А. А. Спицына (№ Дн-1933) и С. С. Гамченко (№ 4087).

В описях хранения указано, что коллекции № 245, Дн-1933 происходят из Немирова, а № 276 из Немирова — урочище «Могилки». Основываясь на записях в полевых дневниках М. И. Артамонова и анализе керамического материала, можно сделать вывод, что обе коллекции — с одного трипольского поселения, которое относится к самому началу этапа CI Триполья, по периодизации Т. С. Пассек (1949).

В тексте своего полевого отчета С. С. Гамченко упоминает в Немировском районе два городища: собственно Немировское и Щербатово (Гамченко 1911: 128–134). Он так описывает местоположение Немировского городища:

> **«Почти в центральной части старого м. Немиров есть маленькая, по площади, возвышенность, называемая "Выспой" (остров, вернее — полуостров). Эта Выспа с З.–С.–В. окружена запрудою Городницы. ‹...› На этой выспе и соседнем перешейке находятся остатки прямоугольного (с закругленными углами) или вернее яйцевидного ‹...› укрепления...» (Гамченко 1911: 128).**

К сожалению, по такому описанию трудно идентифицировать местоположение городища, которое Гамченко называет Немировским. Чертеж этого городища, приведенный в его отчете, действительно представляет собой мыс подпрямоугольной формы, вытянутый по направлению север-юг. Но крайне малый масштаб изображений и отсутствие привязки к прилегающим территориям также не позволяют идентифицировать местонахождение этого городища. Судя по тому, что автор описывает мыс, окруженный водой с запада, севера и востока, можно предположить, что это городище располагалось на противоположном берегу р. Городница, к югу от городища, которое в современной научной литературе называется Немировским.

Щербатово городище С. С. Гамченко называет самым большим в Немировском районе. Его описание и чертежи полностью соответствуют чертежам и описанию М. И. Артамонова, который называет его Немировским городищем (см. гл. 1.1).

Примечательно, что название «Щербатово городище» фигурирует только в отчете С. С. Гамченко и в описи, приложенной к акту о передаче коллекции в Государственный Эрмитаж в 1953 г.

Объяснение, почему же часть коллекции из Немирова получила название «Щербатово городище», нашлось в тексте полевого отчета С. С. Гамченко (см. гл. 1.1). Также известно, что свои раскопки в районе Немирова С. С. Гамченко проводил при финансовой поддержке владелицы этой земли — княгини М. Г. Щербатовой, в честь которой центральное укрепление городища могло получить такое название:

> **«Изыскания 1909 г. выполнялись за счет императорской Археологической комиссии. В городище около Немирова рекогносцировочные раскопки проводились на средства княгини Щербатовой, которая пожелала, чтобы и планомерные раскопки в этом пункте целый ряд лет, сколько понадобится, исполнялись за ее счет» (Гамченко 1911: 21).**

Разночтения в названиях городища вызвали некоторую путаницу и в научной литературе. Так, С. А. Гусев полагал, что в районе

Немирова было два трипольских поселения — то, что названо в отчетах «Валы» и «урочище Могилки», принадлежащие времени Триполье BII и CI, соответственно (Гусев 1993: 79). В действительности, керамика из обеих коллекций идентична и не дает оснований для их хронологического разделения. К тому же четких критериев для разделения этих двух этапов трипольской культуры практически нет, что вызывает давние дискуссии между исследователями.

Таким образом, трипольские материалы Немирова (коллекция № 245), Немирова — урочище «Могилки» (коллекция № 276) и Щербатова городища (коллекция № 4087) представляют ***одно поселение***, коллекция из которого насчитывает более 1500 фрагментов керамики, несколько десятков экземпляров разнообразной антропоморфной и зооморфной пластики и изделий из глины, а также 51 предмет из кремня и других пород камня.

Судя по отрывочным описаниям в полевой документации, на Немировском городище находилось относительно небольшое по площади поселение с глинобитными площадками и жилищами полуземляночного типа, планиграфию которого определить практически невозможно (Артамонов 1998: 59–76). Тем не менее, следует отметить, что в отчете С. С. Гамченко указано, что на поселении обнаружены 5–7 рядов глинобитных площадок, принадлежащих «до-эгейской» культуре (Гамченко 1911: 269). На чертеже они расположены в шахматном порядке (Гамченко 1909: табл. 146). К сожалению, больше никаких сведений о планиграфии поселения нет.

Также С. С. Гамченко пишет, что на Щербатовом (Немировском) городище обнаружены два типа сооружений «до-эгейского» времени: наземные и подземные (Гамченко 1911: 306). Наземные — это, очевидно, традиционные трипольские площадки. Подземное сооружение было исследовано только С. С. Гамченко (1911: 272–275, 306–309). Из описания в отчете следует, что оно представляло собой группу глубоких сводчатых камер цилиндрической формы с купольным верхом, выкопанных в лессе и соединенных проходами. С.С. Гамченко описывает эту постройку так:

> **«Камеры соединены короткими переходами арочной системы. Причем пятки арок составляют одно целое с цилиндрическими столбами (поддержками), из которых каждый является опорою (куполов) четырех смежных камер» (Там же: 306–307).**

Сейчас уже трудно определить, что за конструкция была открыта С. С. Гамченко, тем более что чертежи не сохранились. Скорее всего, это были трипольские постройки, которые, как известно, имели вытянутую прямоугольную форму с несколькими последовательно расположенными помещениями.

А. А. Спицын в 1910 г. продолжил раскопки на городище, в северной его части. Получить информацию из его «корочек» крайне сложно (см. гл. 1.1). В нескольких местах он упоминает находки «печины» и обмазки, которые, очевидно, были связаны с разрушенным трипольским слоем. А. А. Спицыным не было обнаружено ни одного объекта трипольской культуры. По мнению М. И. Артамонова, он, скорее всего, просто пропустил трипольский слой (Артамонов 1998: 70; см. гл. 2.3).

Исследования Немировского городища были продолжены лишь в 1946–1948 гг. Юго-Подольской экспедицией под руководством М. И. Артамонова. Было заложено несколько раскопов-траншей с привязкой к раскопам А. А. Спицына. По записям в полевых дневниках Юго-Подольской экспедиции была сделана попытка идентифицировать по квадратам места находок остатков разрушенного трипольского слоя (**рис. 65**). К сожалению, это практически вся информация о планиграфии трипольских находок на Немировском городище.

3.2. Керамический комплекс

Основное количество трипольских материалов из Немирова происходит из раскопок М. И. Артамонова и С. С. Гамченко. Материалы из раскопок А. А. Спицына немногочисленны и составляют несколько фрагментов керамики и фрагмент антропоморфной статуэтки, а также изделия из кремня и камня (см. Приложение 5).

Тем не менее, даже данная небольшая коллекция дает представление о керамическом комплексе трипольского поселения Немиров в целом. Керамику можно традиционно разделить на «кухонную» и «столовую» (Гусев 1995а: 106–124; 1995б: 73–80). Естественно, что это деление условное,

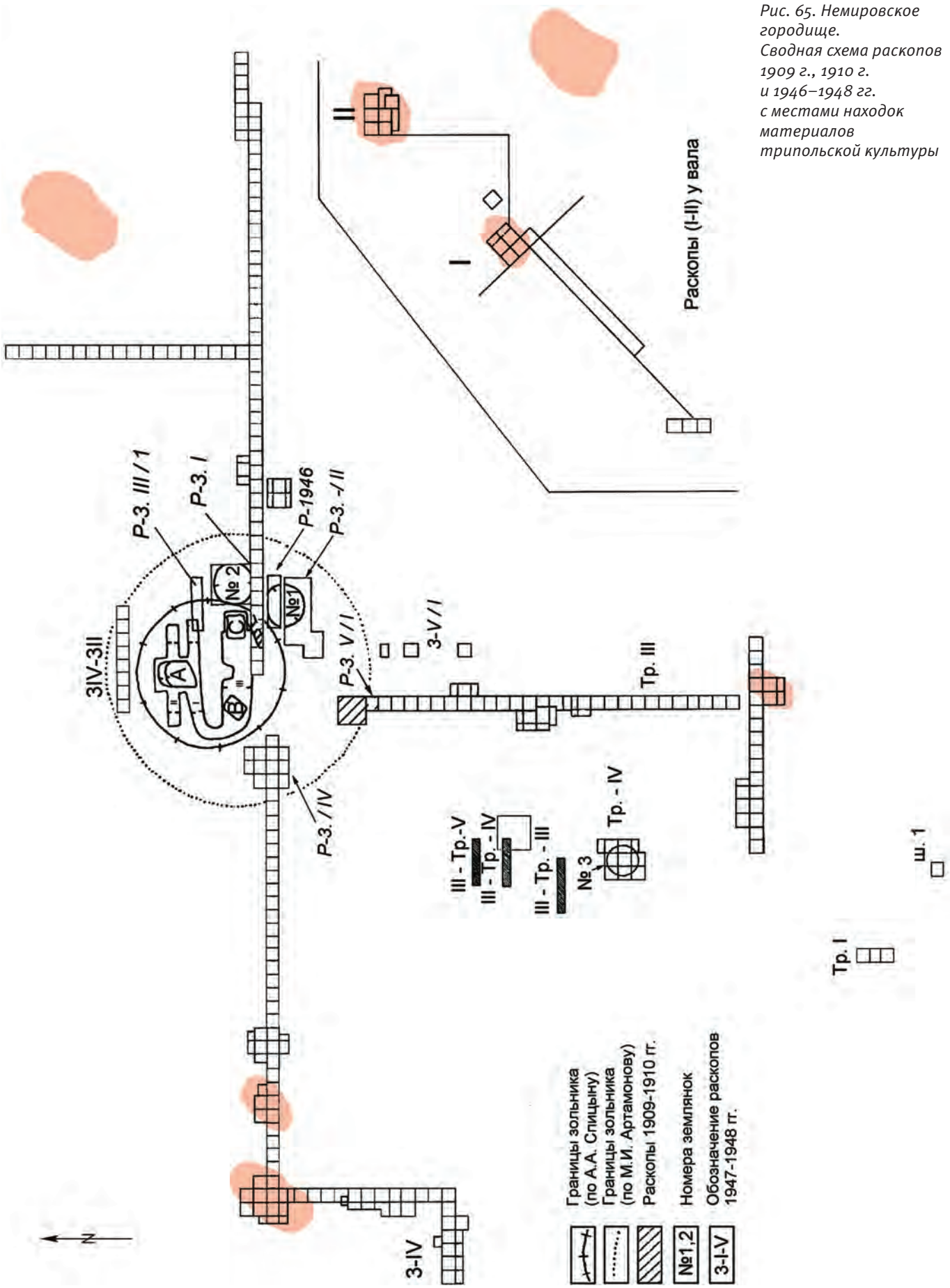


Рис. 65. Немировское городище. Сводная схема раскопов 1909 г., 1910 г. и 1946–1948 гг. с местами находок материалов трипольской культуры

по технологическим признакам: состав теста, особенности формовки, обжиг, обработка поверхности и декор. Главным образом эти две группы керамики отличаются по способу декорирования. К столовой керамике относятся сосуды, расписанные краской, а к кухонной — без декора или с прочерченным и штампованным орнаментом.

Столовая керамика вылеплена из плотной, хорошо отмученной глины без видимых примесей, с примесью темно-красного шамота, иногда мелкого песка и отдельными включениями известняка. Обжиг окислительный при температуре 900–950°С. Поскольку известняк в тесте всех столовых сосудов присутствует в малых количествах и приблизительно в одинаковой пропорции, то, вероятнее всего, он являлся естественной примесью. Естественной примесью, очевидно, является и мелкий окатанный песок, который встречается в составе глины отдельных столовых сосудов. Вполне возможно, что жители поселения брали глину из нескольких разных источников. В качестве искусственной примеси, в подавляющем большинстве случаев, использовался шамот, состоящий из дробленой керамики.

Вся трипольская керамика из Немирова вылеплена традиционным ленточным способом (Жураковський 1994; Рижов 2001: 7–8; Палагута 2006). Ширина лент не превышала 2–3 см, края лент обычно скошены для увеличения площади стыковки. Верхний край ленты, как правило, скошен с внутренней стороны, а нижний — с наружной, так как подлепка лент производилась изнутри (за исключением дополнительной ленты на стыке дна и стенки у сосудов крупных размеров). Количество лент колеблется от 2 до 7–8, в зависимости от величины и формы сосуда. Небольшие миски выдавливались из одного куска глины или формовались из двух частей: из одной лепешки глины лепилось дно и нижняя часть стенки, а сверху накладывалась лента — верхняя часть стенки с венчиком. Дополнительными лентами укреплялись наиболее слабые места у больших сосудов, например, место стыковки дна и стенки.

Сосуды моделировались на плоской подставке, на которую иногда подсыпался песок для облегчения их снятия после окончания лепки. При формовке дна его толщина могла наращиваться путем налепа отдельных глиняных лепешек на внутреннюю поверхность основы. Иногда донца небольшого диаметра формовались из двух глиняных пластин, наложенных внахлест, с последующим вытягиванием из них нижней части стенки или закраины, на которую накладывалась нижняя лента тулова.

При изготовлении крупных сосудов, скорее всего, использовалась сборка их из частей — сначала лепилась миска, к которой присоединялась верхняя часть с венчиком, образованная 3–4 лентами. Описание техники конструирования крупных биконических сосудов из двух основных частей впервые было сделано Э. Р. Штерном по материалам поселения Петрены (Штерн 1907: 20–23).

Большая часть столовой посуды расписана. В Немирове сосуды расписаны монохромно в стиле ε, по классификации Г. Шмидта (Schmidt 1932; эта же система классификации использовалась и Н. М. Виноградовой, см. Виноградова 1983). Орнамент покрывает около двух третей поверхности. Без декора оставлена лишь придонная часть. Темно-коричневая краска наносилась в большинстве случаев на коричневую, светло-коричневую и оранжевую подгрунтовку или на тщательно заглаженную естественную поверхность. Сохранность росписи на керамике из Немирова довольно плохая.

Состав ангобов, красочного слоя и глиняной массы был проанализирован в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ (Приложение 1). Исследование нескольких образцов керамики дало интересные результаты, отличающиеся друг от друга. Так, в составе краски двух образцов, помимо минеральных красителей, основу которых составляла железомарганцевая руда, обнаружен фосфор и кальций в одних и тех же включениях. Наличие этих элементов одновременно свидетельствует о том, что в состав красителя дополнительно была добавлена толченая жженая кость. Анализы состава глиняной массы внутри черепка и на поверхности показали на одном образце (№ 245-1/268) наличие дополнительного фрагментарного прерывающегося слоя с высоким содержанием кальция, что можно рассматривать как неудачную попытку создания ангоба.

Несмотря на выборку и фрагментарность сосудов, мы можем выделить стандартные для трипольской столовой керамики формы: амфоры и биконические сосуды, кубки, усе-

ченно-конические миски, грушевидные сосуды с крышками, кратеры и зооморфные сосуды. По технологическому признаку к так называемой столовой посуде следует отнести и биноклевидные изделия, но из-за неясности их назначения они не включены в состав традиционного функционального набора.

Иногда разделяют биконические и сфероконические формы сосудов (см. Овчинников 2014: 80–81). Биконические сосуды имеют выраженное ребро на тулове, а у сфероконических профиль более плавный. Сосуды с ребром формовались из двух частей, что являлось более быстрой, упрощенной техникой изготовления, которая появилась на больших поселениях при необходимости лепки сразу больших серий. Это различие исключительно технологическое и не имеет отношения к характеристике непосредственно функционального набора посуды в конкретном керамическом комплексе.

Подсчеты процентного соотношения форм расписной керамики показали, что со значительным перевесом преобладают «амфоры» и биконические сосуды (**рис. 66**). Они составляют 43,4 % от всего количества столовой посуды. Далее следуют кубки (15,8 %), усечено конические миски (14,7 %), грушевидные сосуды (14 %), крышки (4,9 %), кратеры (3,8 %), зооморфные миски (3,4 %).

При оценке статистической картины необходимо учитывать, что материалы происходят из разрушенного и перемешанного слоя. К тому же, скорее всего, керамика была подвергнута субъективной выборке и взята не вся, а лишь та, которая представляла научный и музейный интерес. Тем не менее, статистические подсчеты расписной керамики данного комплекса достаточно показательны. Так, в Немирове преобладают «амфоры» и биконические сосуды, кубки и миски. Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и в больших археологических коллекциях, где керамический материал с раскопок был выбран практически весь. Например, на поселении Бодаки преобладают те же самые три формы расписной посуды (Старкова 1998). Такая же картина получилась при проведении статистического анализа столовой керамики на поселении Попудня, синхронному по времени Немирову.

Статистические подсчеты проводились по венчикам и археологически целым формам. При работе с фрагментированным материалом могут быть некоторые ошибки в определении той или иной формы. Например,

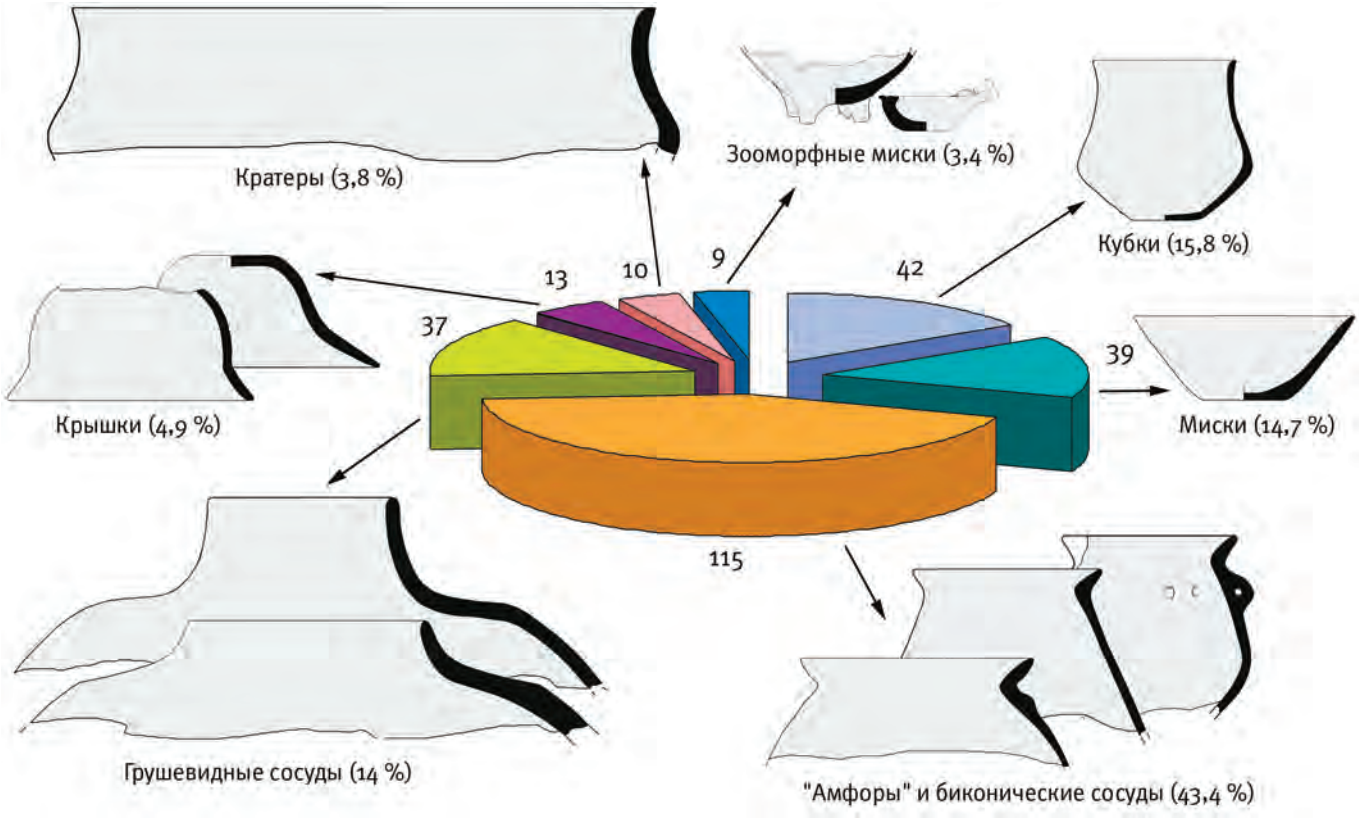


Рис. 66. Немировское городище. Процентное соотношение форм расписной (столовой) керамики трипольской культуры

«амфоры» по форме полностью повторяют биконические сосуды и отличаются от них лишь наличием ручек, а поскольку по фрагментам венчиков эти две формы разделить невозможно, то их количество подсчитывалось вместе и, скорее всего, они относились к одной функциональной категории.

«Амфоры» и биконические сосуды имеют S-видный профиль (**рис. 67–74**). У них сильно отогнутый воронкообразный венчик и сферическое тулово.

Всего на поселении Немиров удалось выделить фрагменты от 115 сосудов этой формы (**рис. 66**). По особенностям формы «амфоры» и биконические сосуды можно разделить на две группы. Первая — сосуды, у которых отогнутый венчик плавно переходит в сферическое тулово (**рис. 67, *1, 2*; 68, *2, 3, 5*; 69, *3*; 70, *1, 2, 4*; 71**). Вторая — сосуды с трапециевидным горлом и округлым реповидным туловом (**рис. 67, *4*; 70, *3***).

Диаметры венчиков колеблются от 8 до 45 см. Наибольшее количество сосудов имеет венчики диаметром 15 см (6 экз.), 16 см (6 экз.) и 14 см (5 экз.). Поскольку измерение проводилось по фрагментам с некоторой очевидной погрешностью, то сосуды с диаметрами венчиков 14–16 см можно объединить. Таким образом, мы имеем серию из 17 сосудов приблизительно одного размера.

Все ручки «амфор» имеют горизонтальное отверстие и расположены сразу под венчиком или на 2–3 см ниже (**рис. 67, *2;* 68, *1, 4*; 70, *2;* 71, *2***). Ручки небольших размеров просто налеплялись на тулово сосуда. Крупные ручки вытягивались из тела сосуда. Дополнительные штифты для их крепежа в Немирове не использовались, хотя такая технология была достаточно широко распространена в трипольской керамической традиции. Примечательно, что стенка сосуда, из которой вытягивали ручку, становилась тоньше, но дополнительно не утолщалась и часто проламывалась в этом месте. Иногда на «амфорах» встречаются редуцированные ручки в виде небольших выступов без отверстия (**рис. 68, *5*; 71, *1***). К редуцированным ручкам также можно отнести парные сосцевидные налепы, имеющиеся на четырех «амфорах» из Немирова (**рис. 73**). Вероятно, их было по четыре пары, симметрично расположенных на каждом сосуде, о чем косвенно свидетельствуют аналогичные налепы на «амфорах», например, с трипольского поселения Попудня, где у сосудов полностью сохранилась верхняя часть.

Орнаментальные композиции главным образом представляют собой фестоны, спускающиеся от венчика, а также метопный рисунок на тулове, образованный так называемым лицевым мотивом или распавшимися спиралями (**рис. 67, *2, 3*; 68, *4*; 69, *3*; 70**). Фестоны также нанесены на внутренний край венчика. Спиральный орнамент, широко распространенный на протяжении второй половины среднего периода Триполья, имеется только на нескольких экземплярах (**рис. 67, *5***).

Отдельно следует отметить наличие в орнаментах таких элементов, как «реснички», треугольники и горизонтальные «елочки», «паркет», которые являются характерными признаками начала позднего периода Триполья, этапа CI (**рис. 68, *5*; 71, *2, 3;* 74, *2***). К датирующим элементам относится и схематичный рисунок птицы на одном фрагменте сосуда (**рис. 74, *1***), поскольку установлено, что орнитоморфные и зооморфные изображения также появляются в трипольских керамических комплексах с начала позднего периода (см. Маркевич 1981: 58).

Кубки — вторая по численности форма из категории расписной керамики. По оценочным подсчетам в коллекции из Немирова их 42 экземпляра (**рис. 75; 76**). Это относительно небольшие, преимущественно тонкостенные сосуды с диаметром венчика от 8 до 22 см. Большинство кубков имеет размеры венчиков от 8 до 15 см. Выделяются лишь фрагменты двух сосудов с венчиками 20 и 22 см в диаметре. У кубков прямой или слегка отогнутый венчик, высокое горло, округлое или с заостренными боками тулово.

В орнаментальных композициях преобладает «сегмент» на самой широкой части тулова в сочетании горизонтальных, косых вертикальных линий разной ширины. Такой декор на кубках самый распространенный для среднего и начала позднего периодов в большинстве регионов трипольского ареала. На одном фрагменте тулова небрежно выполненный орнамент в виде горизонтальной спирали (**рис. 75, *2***).

Миски на трипольском поселении Немиров составляют 14,7 % от всей столовой керамики. В коллекции удалось выделить фрагменты от 39 сосудов (см. **рис. 66**). Все миски

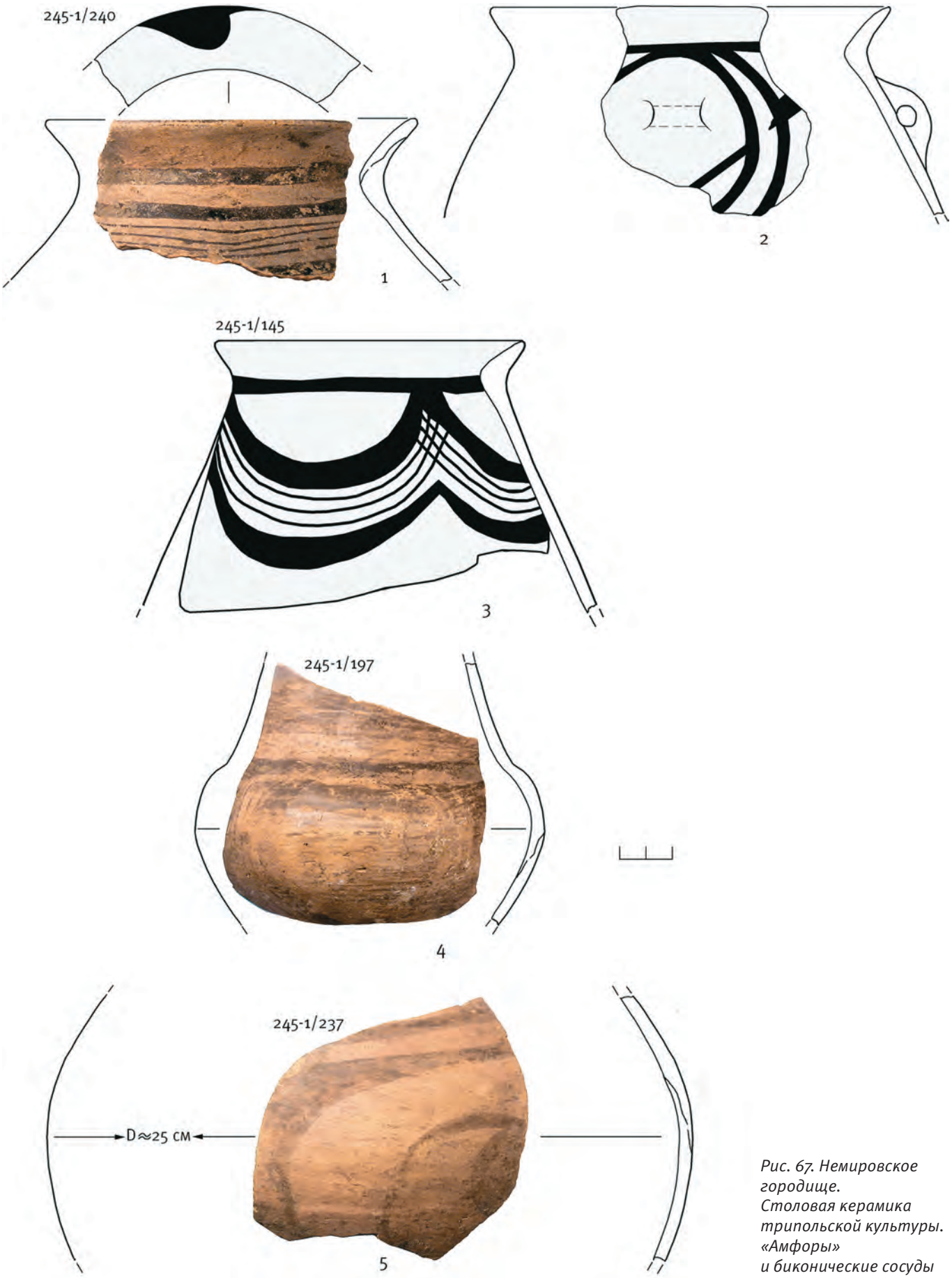
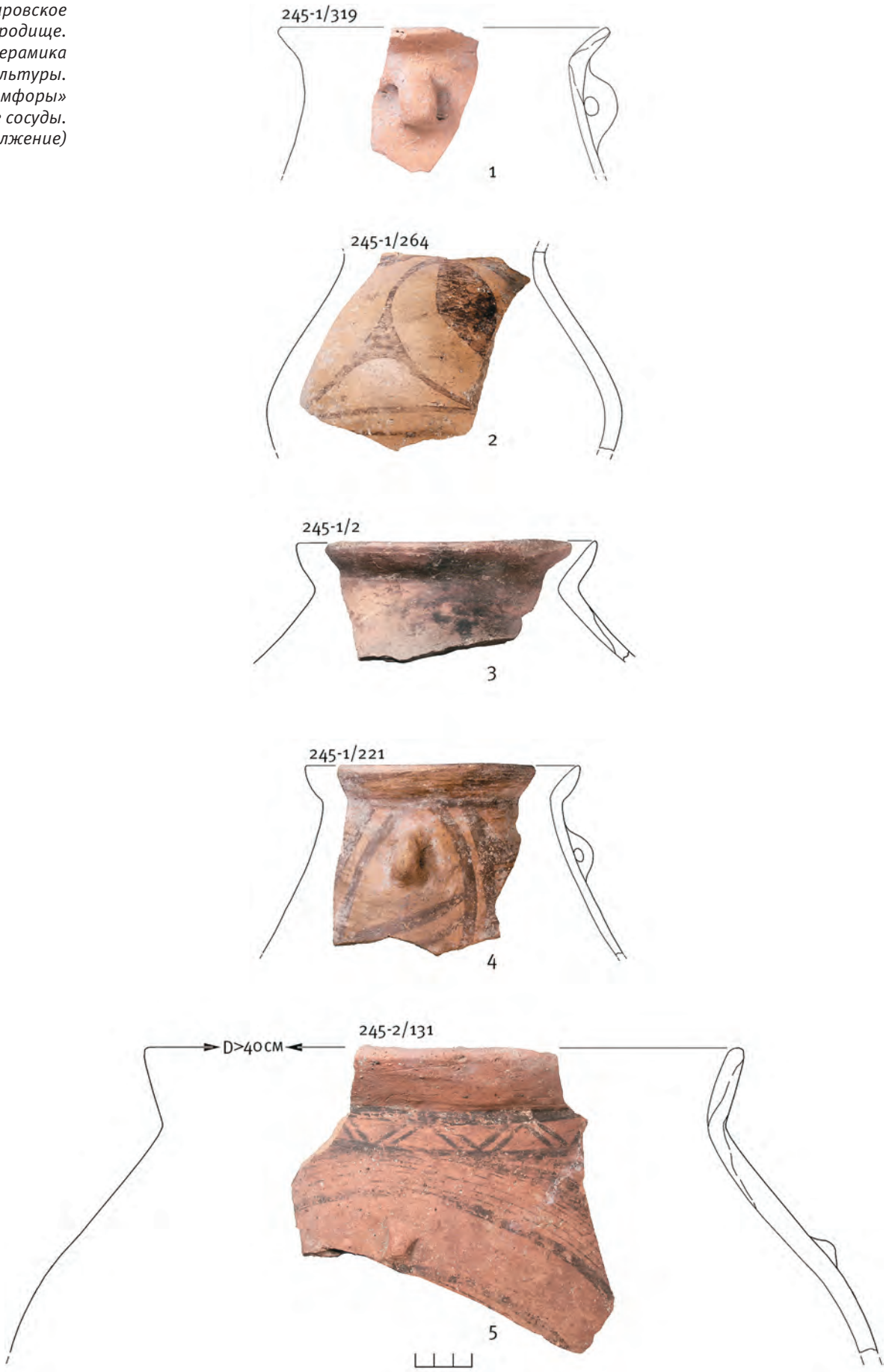


Рис. 67. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды

Рис. 68. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Продолжение)



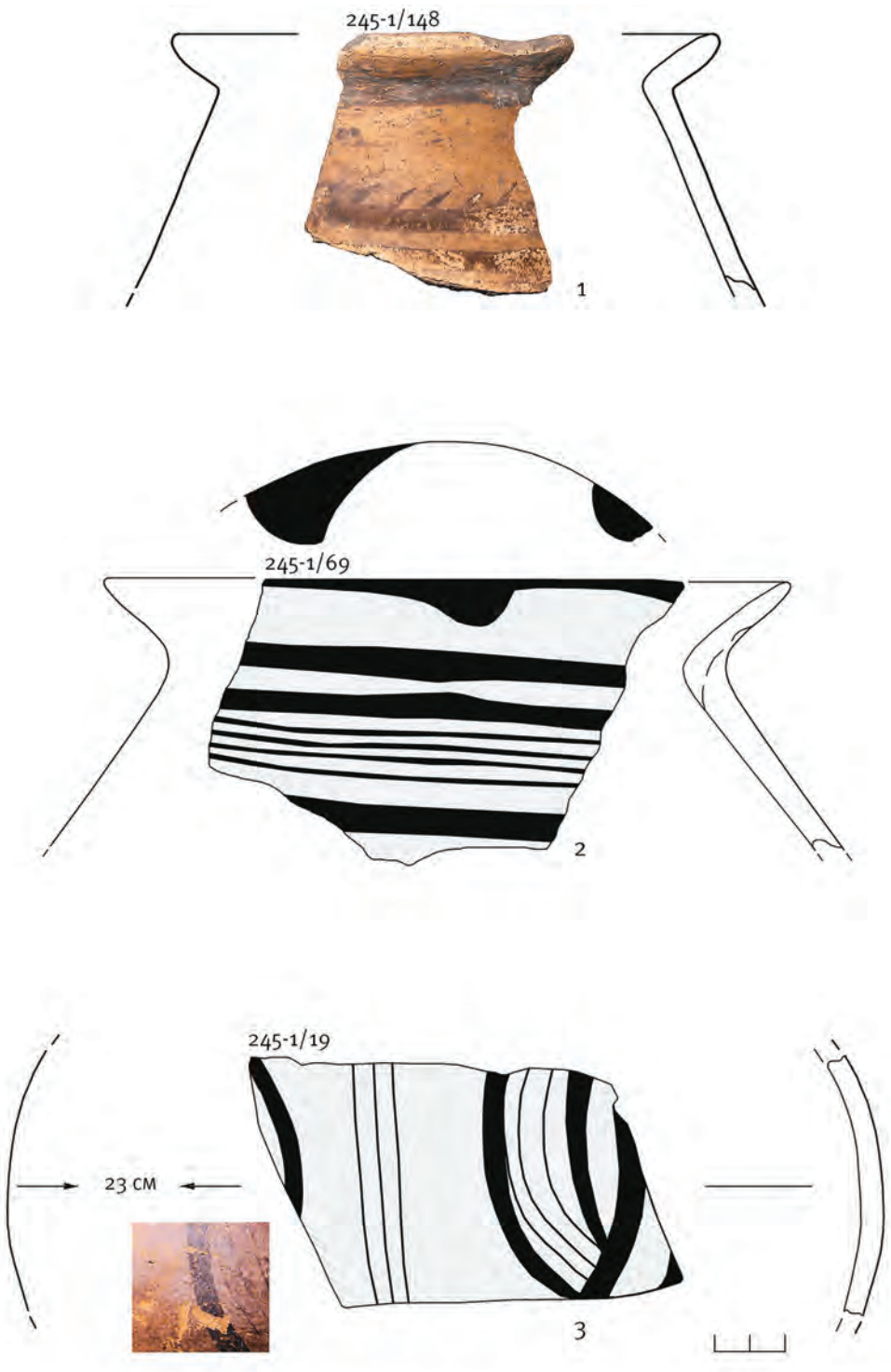
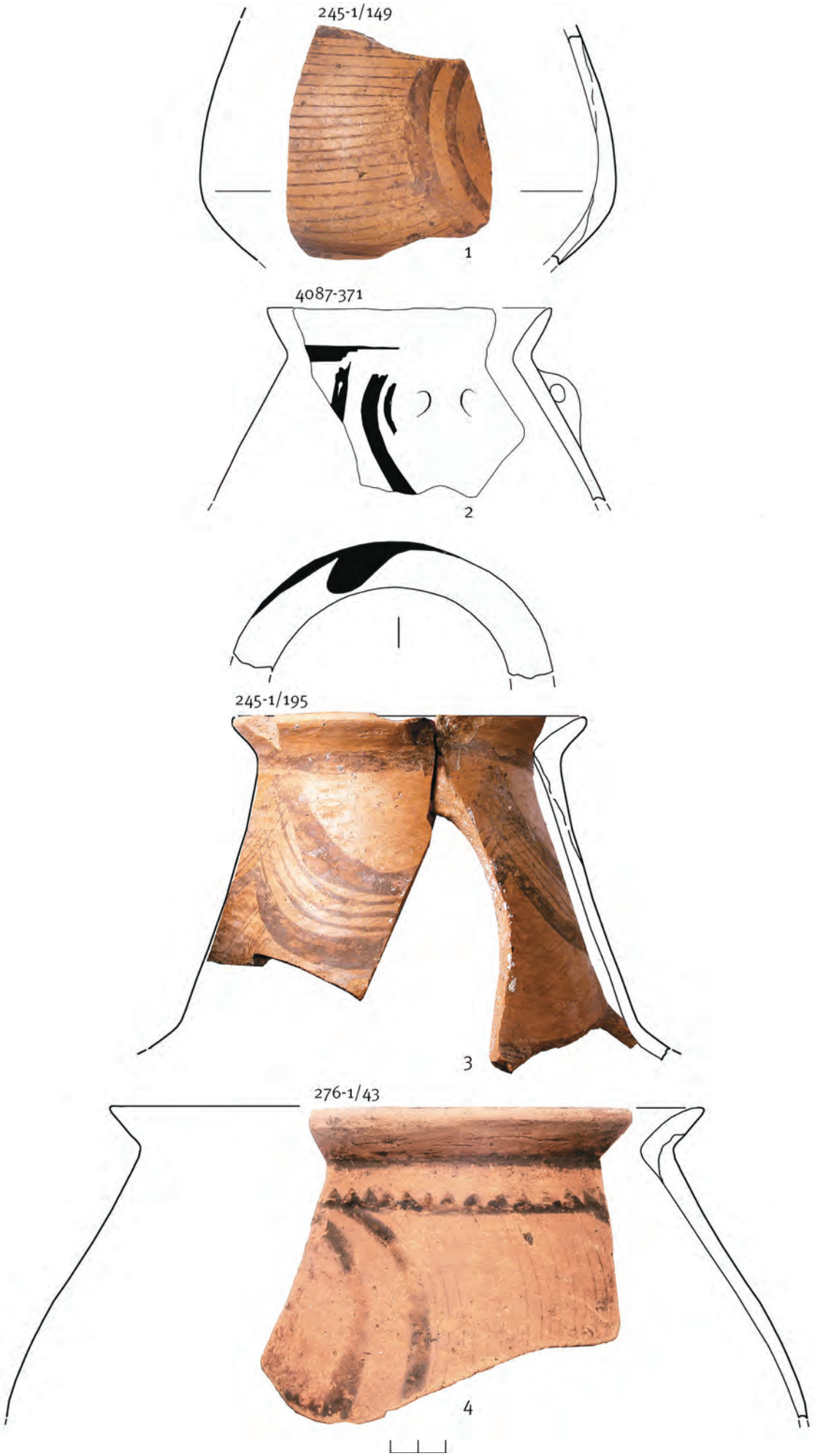


Рис. 69. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Продолжение)

Рис. 70. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Продолжение)



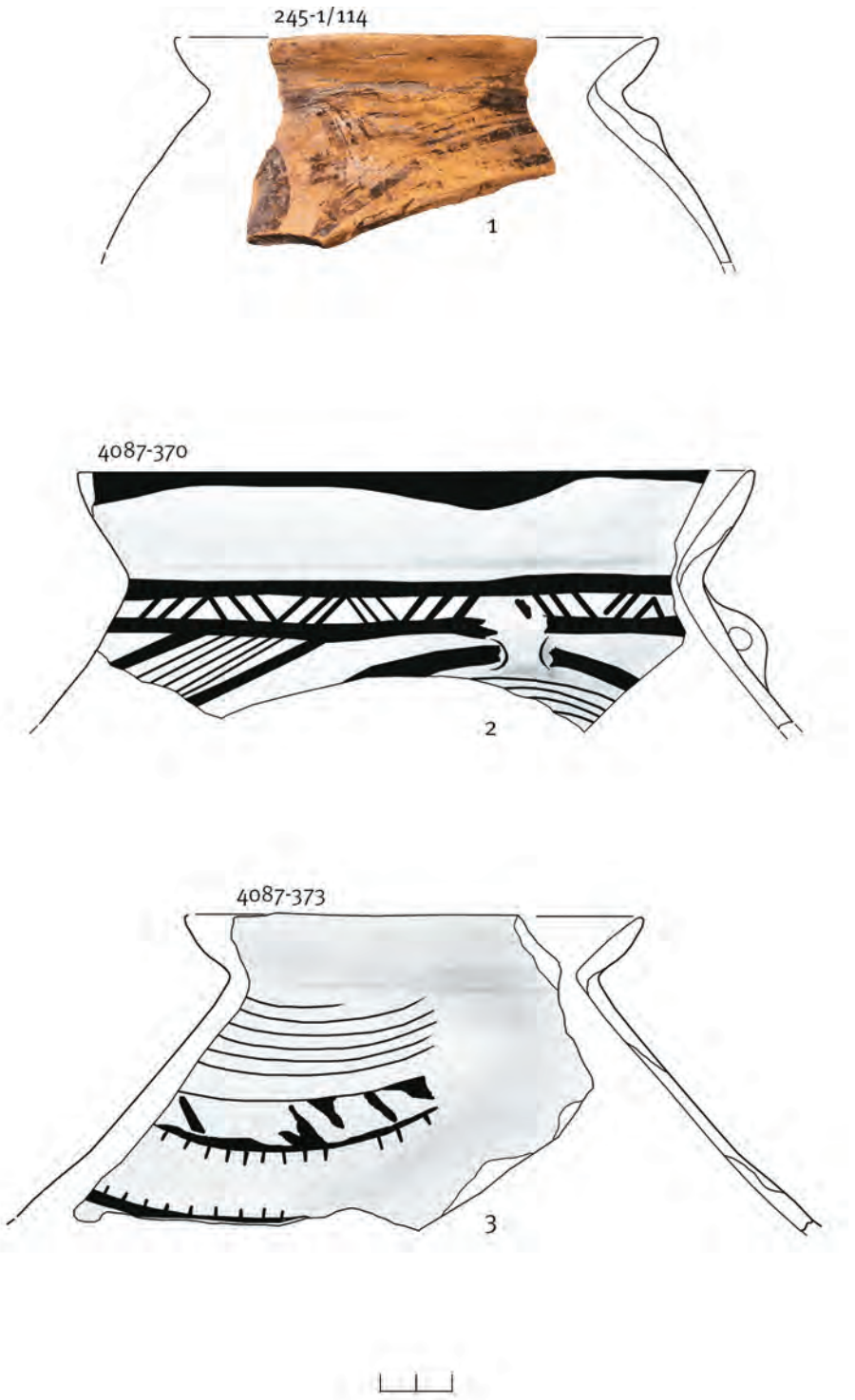
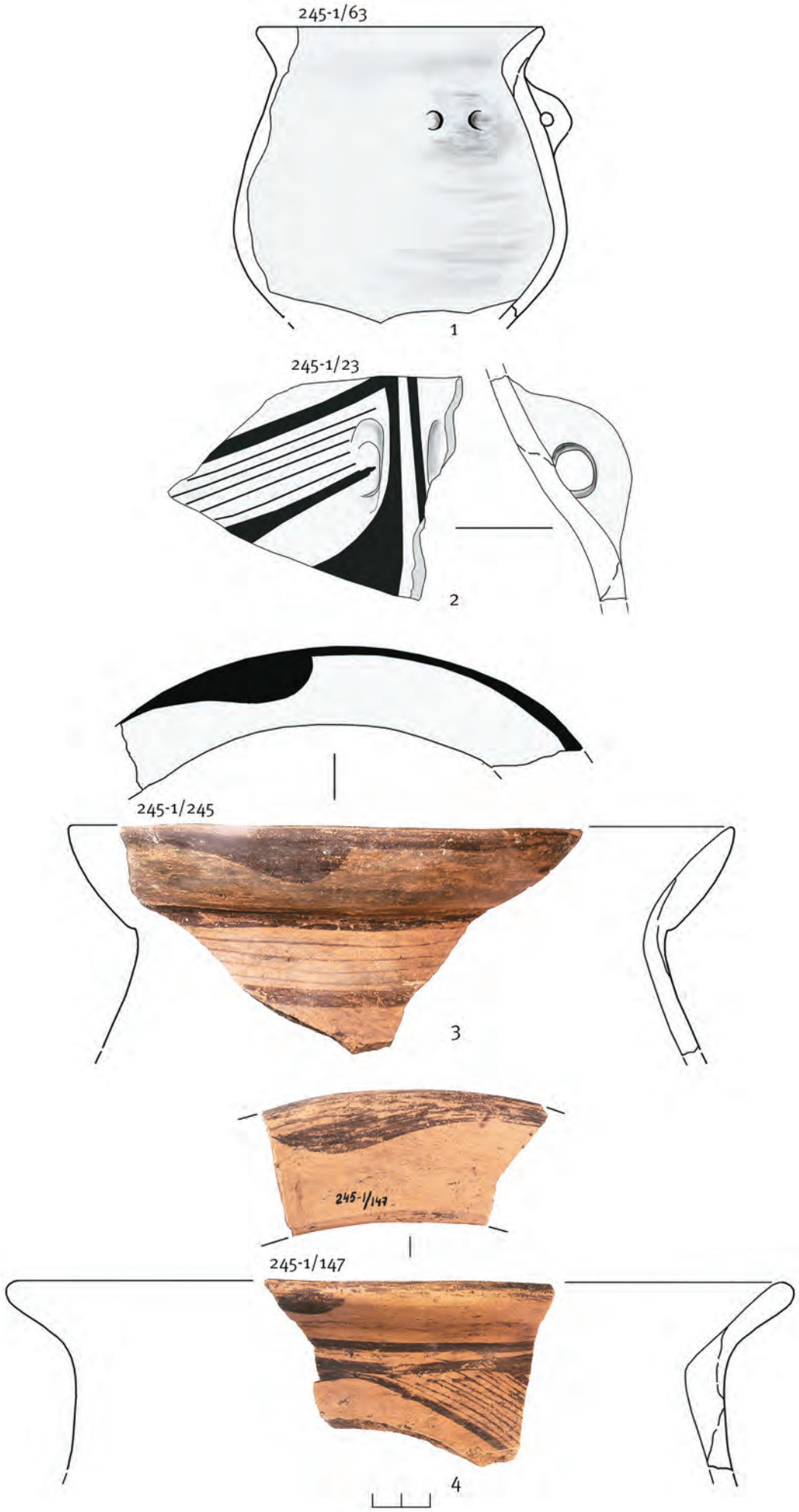


Рис. 71. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Продолжение)

Рис. 72. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Продолжение)



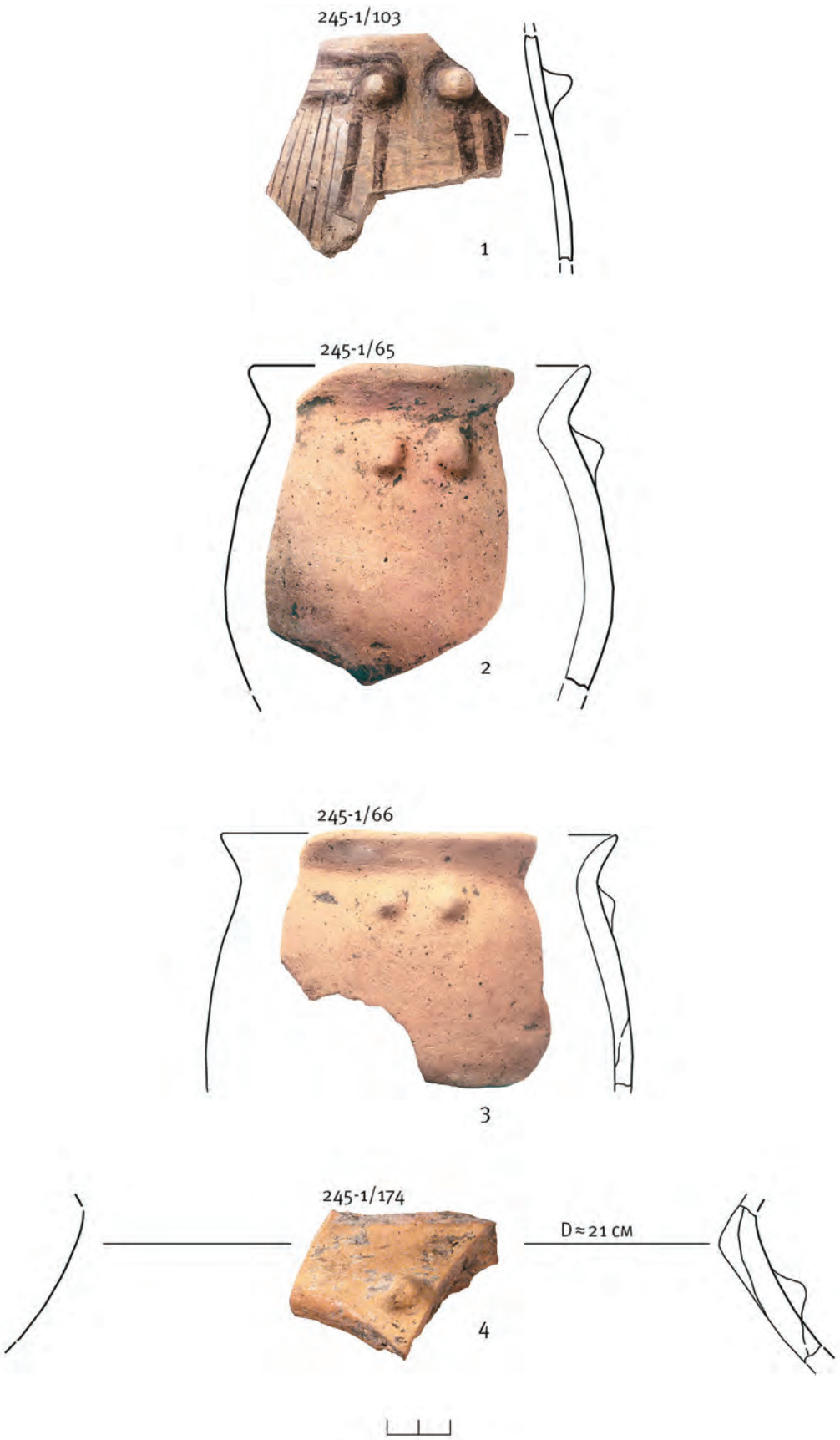


Рис. 73. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Продолжение)

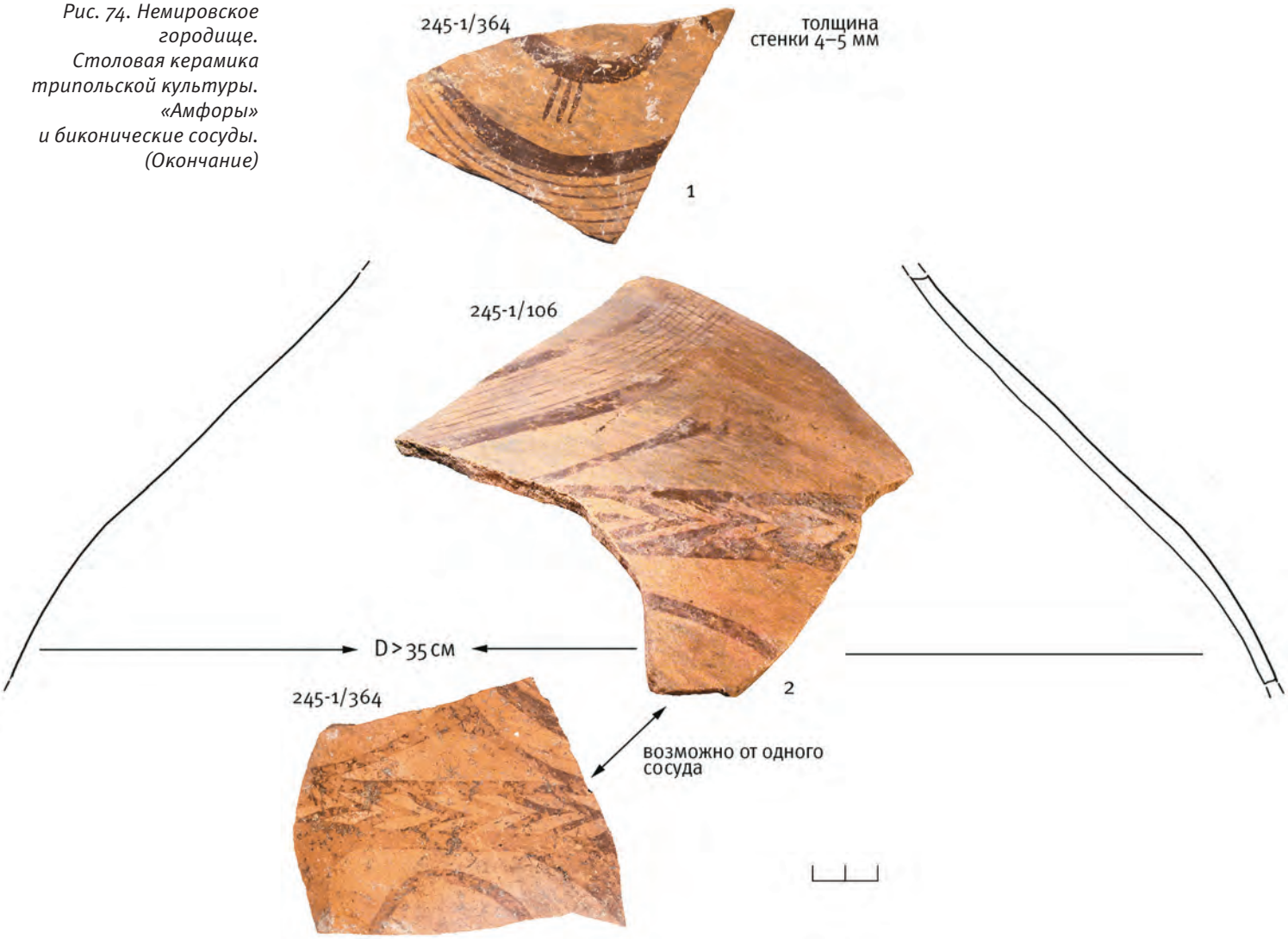


Рис. 74. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Окончание)

усеченно конической формы с прямыми или слегка выпуклыми стенками и плоским дном (**рис. 77; 78**). Диаметры их венчиков от 8 до 42 см. Причем мисок каждого размера от одного до трех экземпляров, что не позволяет выделить какие-то группы по их величине. Все миски из Немирова расписаны только изнутри по подгрунтовке (или основе) краской более слабой концентрации оранжевого, коричневого и светло-коричневого цвета. Основа, которая еле заметна при плохой сохранности росписи, могла наноситься ровным тонким слоем. В отдельных случаях подгрунтовка, наоборот, выполнена грубыми мазками, которые «забивают» сам орнамент. Орнаментальные композиции исключительно двух вариантов: «кометы» или сочетание концентрических кругов с дугообразными линиями разной ширины. На многих мисках роспись не сохранилась совсем. То, что они были расписаны, можно определить лишь по еле заметным следам темно-коричневой краски на поверхности. Также в коллекции имеется фрагмент одной миски, которая изначально не была расписана, но покрыта снаружи слоем темно-коричневой краски.

Отдельно следует отметить фрагмент венчика миски с бихромной росписью, где основные элементы выполнены темно-коричневой краской, а дополнительные — белой (**рис. 78, *1***). Это очень редкий случай, поскольку в Побужье на трипольских поселениях среднего и начала позднего периодов белая краска практически не встречается (Гусев 1995а: 135).

Вполне возможно миски могли использоваться и в качестве крышек для «амфор». С. А. Гусев (1995а: 133) отметил, что угол наклона венчиков «амфор» и усечено конических мисок часто совпадает. Косвенным

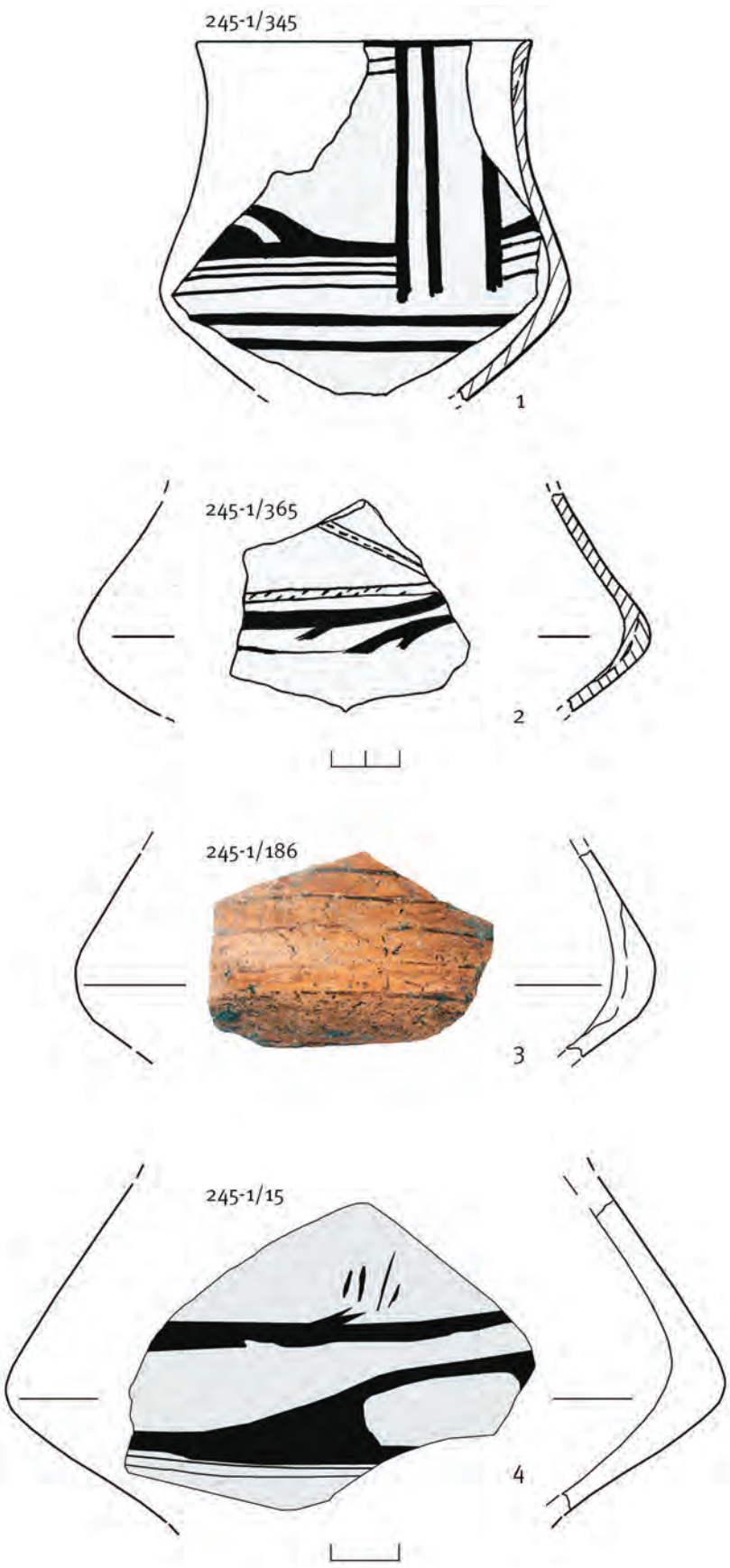


Рис. 75. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Кубки

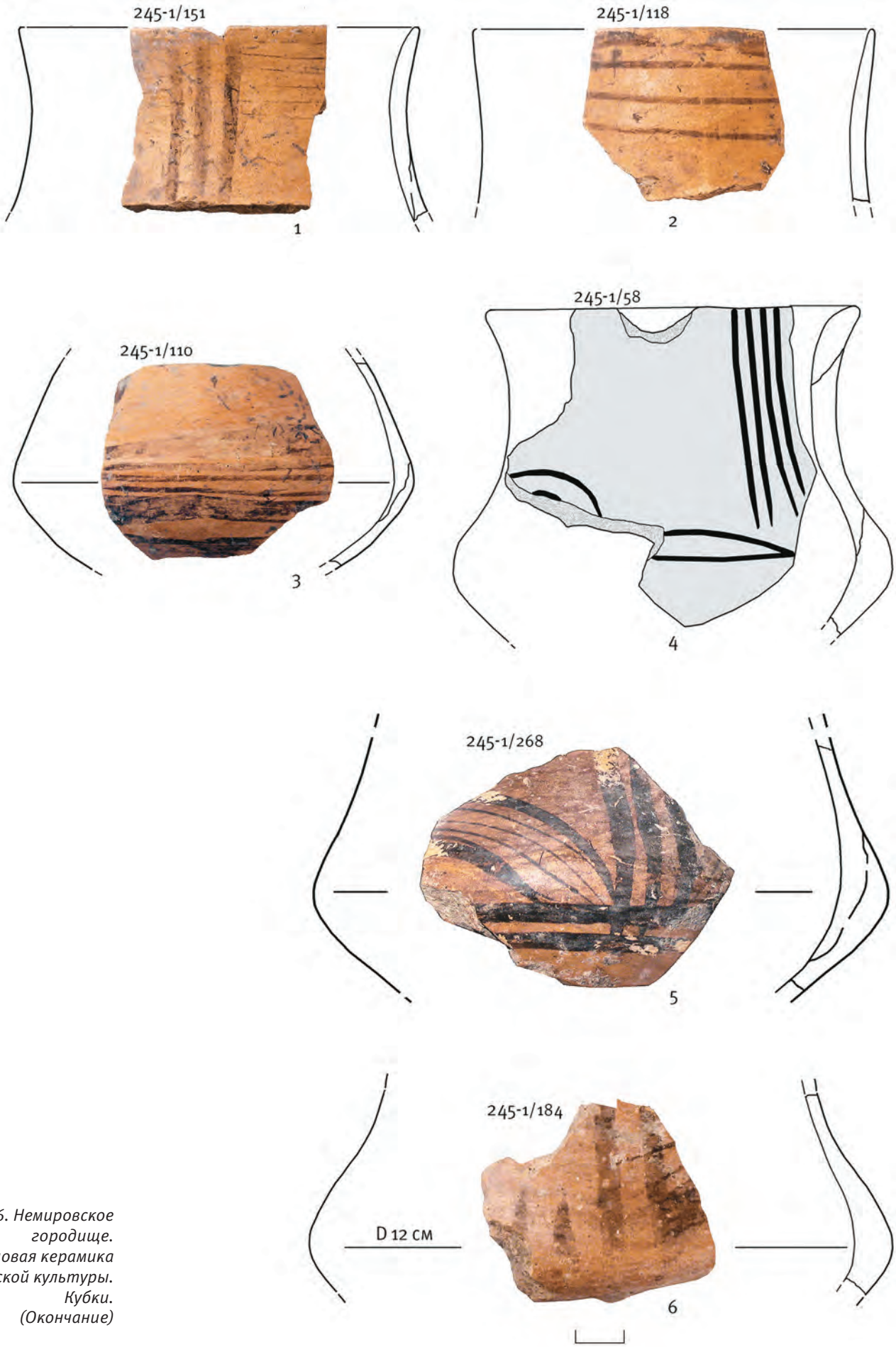


Рис. 76. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Кубки. (Окончание)

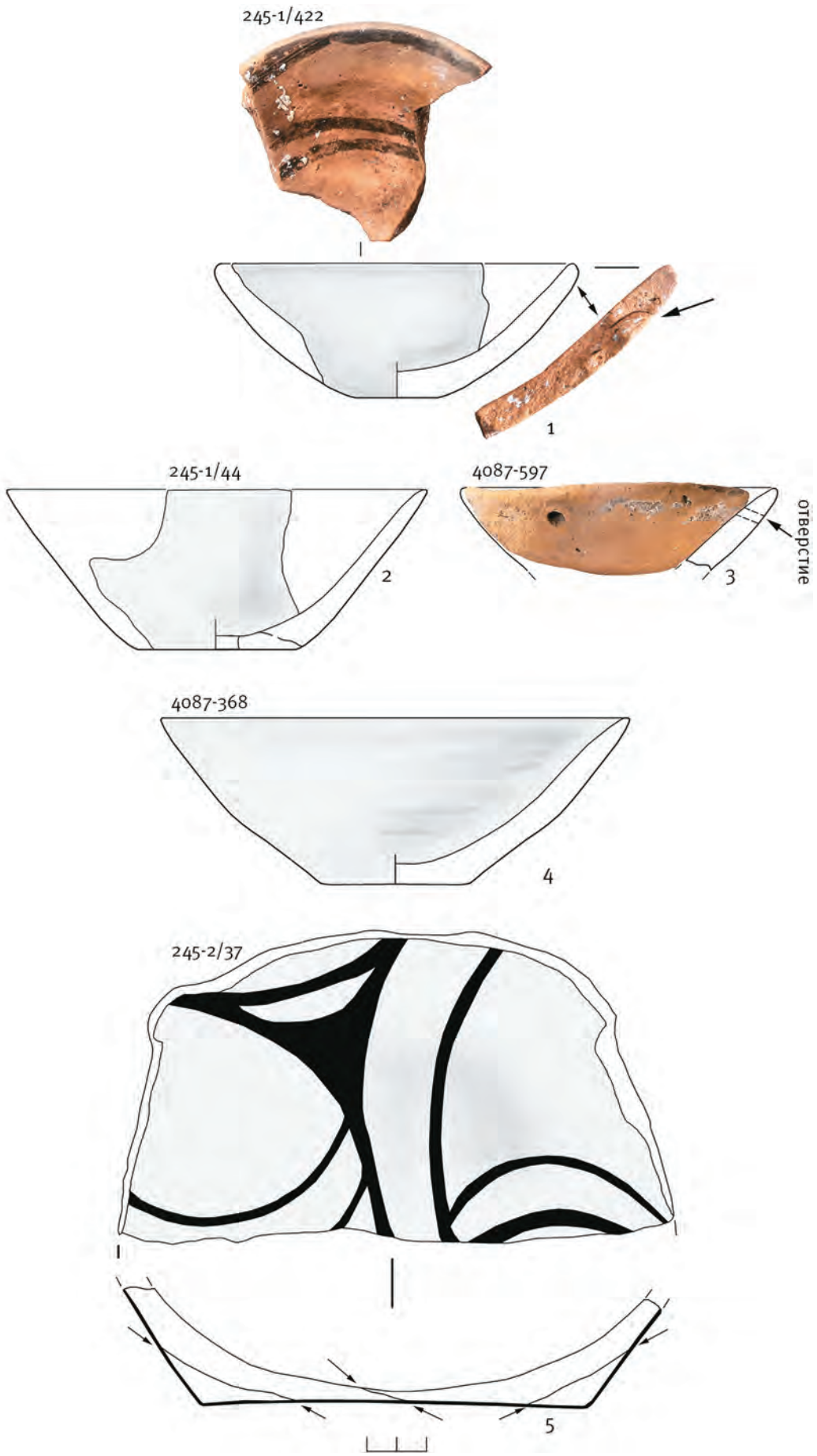


Рис. 77. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Миски

Рис. 78. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Миски. (Окончание)

подтверждением этому может служить миска из Немирова с одним округлым отверстием, проделанным в 1 см от края, которое, очевидно, не является ремонтным и использовалось для привязывания миски-крышки к ручке «амфоры» (**рис. 77, *3***).

Следующая по численности форма столовой керамики в представленной коллекции, составляющая 14 %, — *грушевидные сосуды* (**рис. 66**). Определены фрагменты от 37 экземпляров. Они имеют относительно узкое цилиндрическое или трапециевидное, сужающееся к краю горло, резко переходящее в раздутое сферическое тулово (**рис. 79; 80**). Размеры венчиков грушевидных сосудов от 6 до 15 см. Поскольку целых форм нет, то определить их размеры невозможно. Известно, что в трипольских комплексах такие сосуды могли достигать 90 см в высоту. В данной коллекции по приблизительной оценке они были высотой в среднем около 40–50 см.

У грушевидных сосудов имеются массивные ручки с горизонтальным отверстием (**рис. 80, *1***). Такие ручки были сделаны явно для того, чтобы выдерживать большую нагрузку, поскольку для прочности они не налеплялись сверху, а вытягивались из тела сосуда, так же как у крупных «амфор». Иногда вместо ручек в верхней части сферического тулова находились редуцированные ручки без отверстий в виде небольших выступов (**рис. 80, *2***). Таких выступов могло быть четыре, и они, вероятно, использовались в качестве упоров для шлемовидных крышек.

Роспись в большинстве случаев сохранилась плохо. По следам краски можно лишь определить, что основу орнаментальных композиций составляли сочетания горизонтальных, вертикальных и косых линий разной ширины, а также метопный орнамент или так называемые распавшиеся спирали.

Крышки в Немирове — шлемовидной формы с воронковидным краем и плоским верхом. Форма тулова могла быть сферической или конической (**рис. 81**). Всего в коллекции выделены фрагменты от 13 крышек (см. **рис. 66**). Как правило, они использовались для грушевидных сосудов. Диаметр их устья составляет от 12 до 26 см. Такие размеры совпадают с диаметрами плечиков грушевидных сосудов, на которых иногда даже имеется специальное углубление под крышку. Не исключено, что некоторые крышки могли использоваться в качестве открытых сосудов (глубоких мисок).

На одной крышке у самого верха есть небольшое ушко с горизонтальным отверстием, за которое она могла крепиться к сосуду.

Из-за плохой сохранности росписи можно лишь определить, что орнаментальные композиции на крышках состояли в основном из сочетания прямых и дугообразных линий разной ширины.

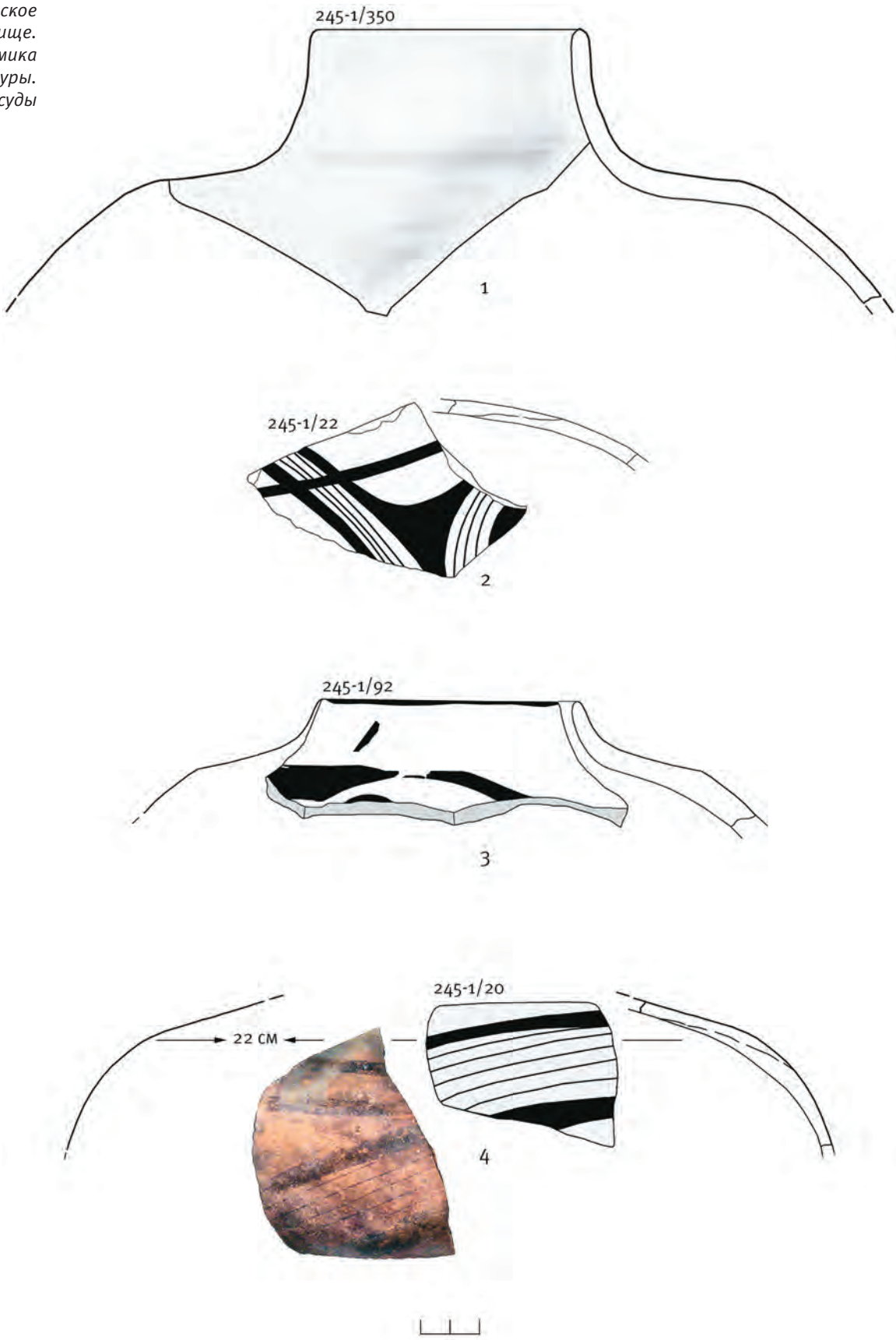
Кратеры — самая малочисленная группа столовой посуды. В коллекции Немирова фрагменты от 10 сосудов этой формы (**рис. 66**). Они представляют собой открытые массивные толстостенные сосуды, выполненные из очень плотной мелкоструктурной глины без видимых примесей (**рис. 82**). В большинстве случаев внешняя поверхность залощена до блеска (**рис. 82, *1***).

На всех кратерах роспись нанесена темно-коричневой краской на ровный слой ярко-оранжевой подгрунтовки. Орнаментальные композиции в основном метопные, но, несмотря на хорошую сохранность росписи, их детали определить трудно из-за фрагментарности материала.

Зооморфные сосуды отнесены к столовой посуде исключительно по технологическому признаку, поскольку практически все они имеют роспись или следы краски и изготовлены из хорошо отмученной глины с незначительной примесью мелкого шамота. Это небольшие в диаметре миски округлой или овальной в плане формы (**рис. 83; 84**). В коллекции Немирова имеются фрагменты от девяти таких сосудов (см. **рис. 66**). Зооморфными признаками считаются ножки и налепы на краю венчика в виде головы бовина, глаза которых выполнены в виде сквозных отверстий. На противоположном краю венчика в некоторых случаях имеется небольшой выступ, имитирующий хвост. На самом деле выделение этой группы керамики имеет определенные трудности из-за фрагментарности материала. Так, например, три ножки могут быть отнесены к частям зооморфных сосудов лишь предположительно (**рис. 84, *1–3***). Не исключено, что они являются фрагментами от моделей жилищ.

Роспись нанесена на внутреннюю поверхность зооморфных мисок. Лишь фрагмент венчика одной миски орнаментирован снаружи (**рис. 83, *3***). Возможно, что здесь пересекающиеся дугообразные полосы имитируют упряжь (Балабина 2004: 207).

Рис. 79. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Грушевидные сосуды



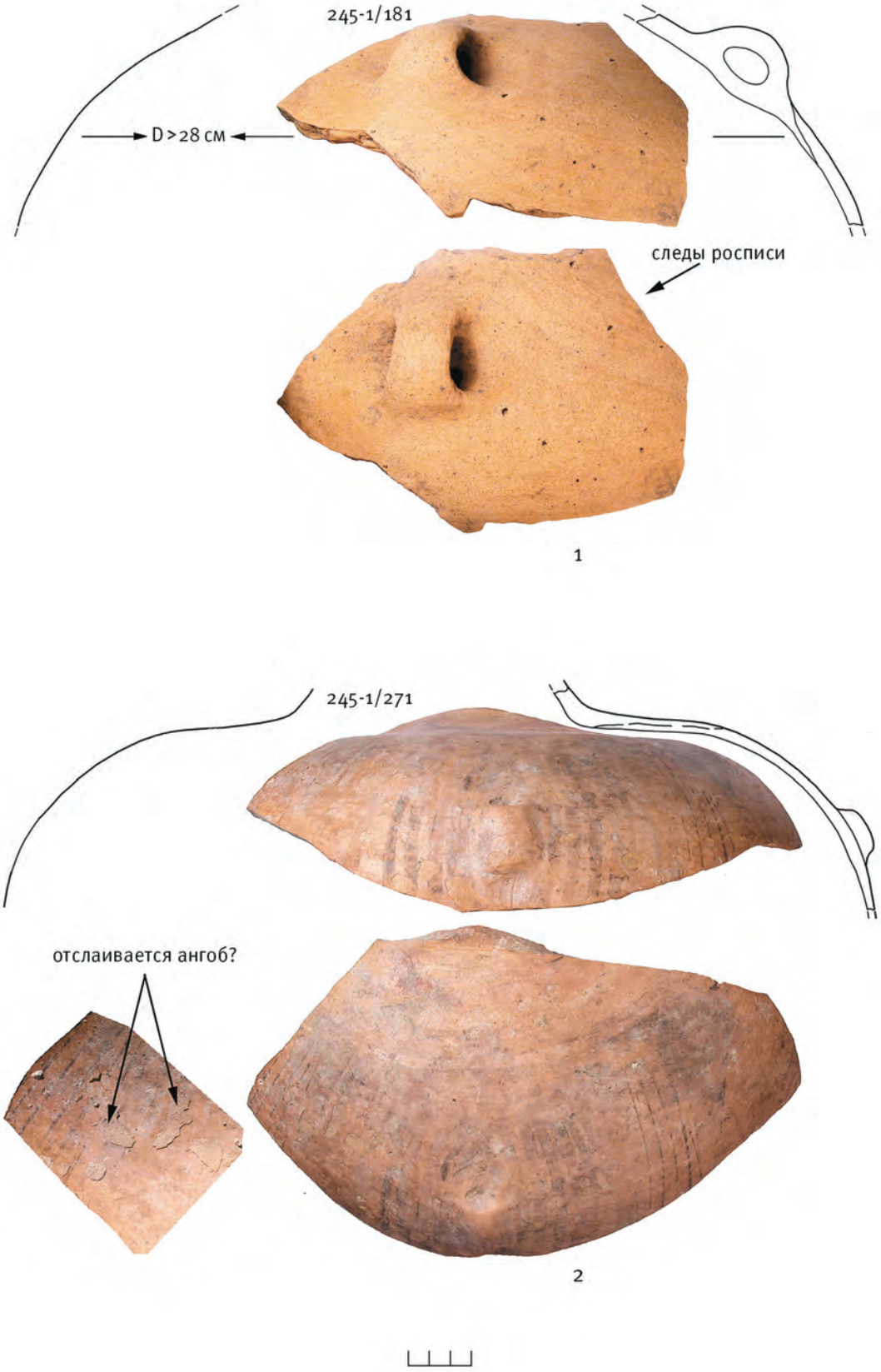


Рис. 80. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Грушевидные сосуды. (Окончание)

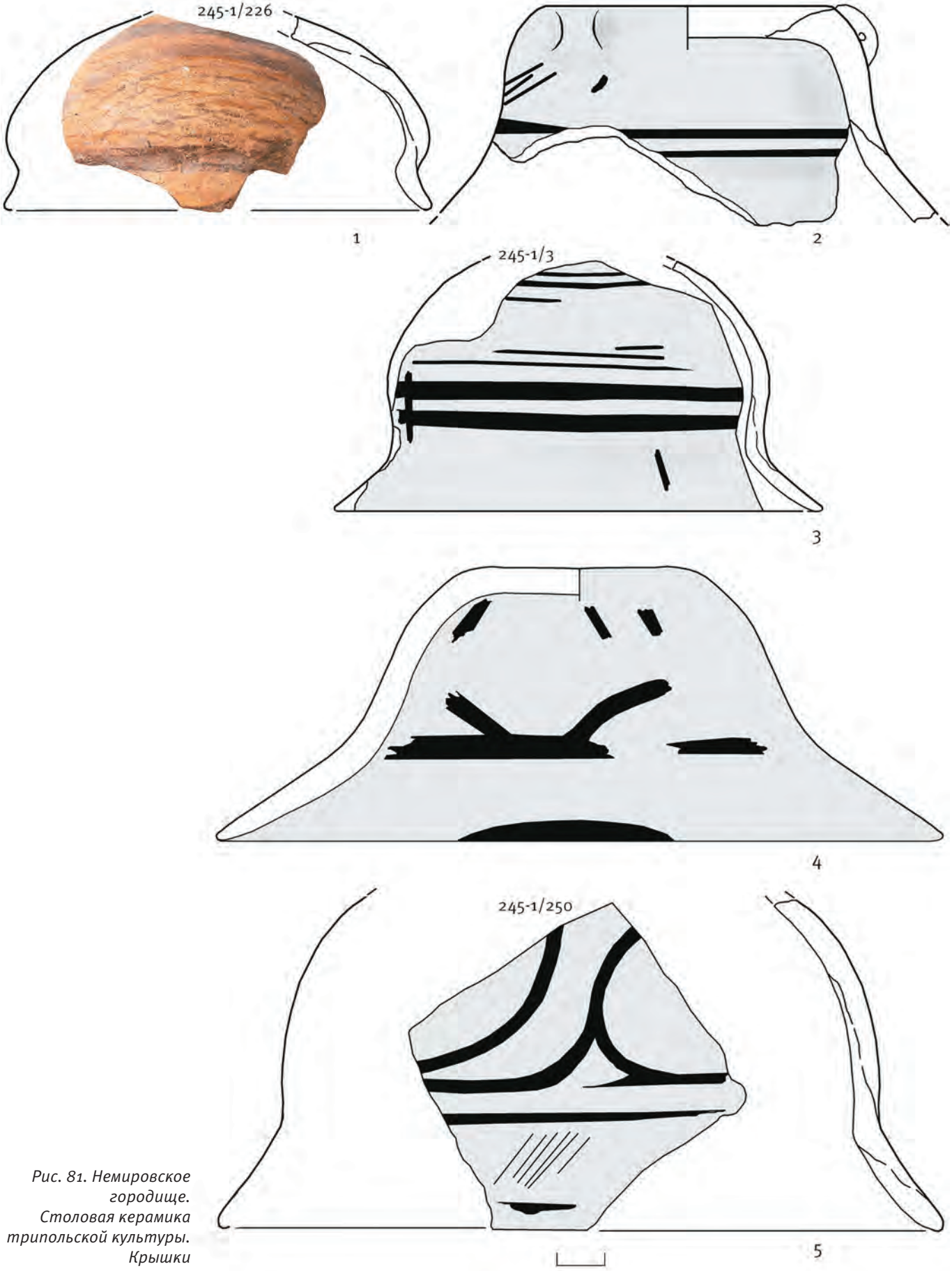


Рис. 81. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Крышки

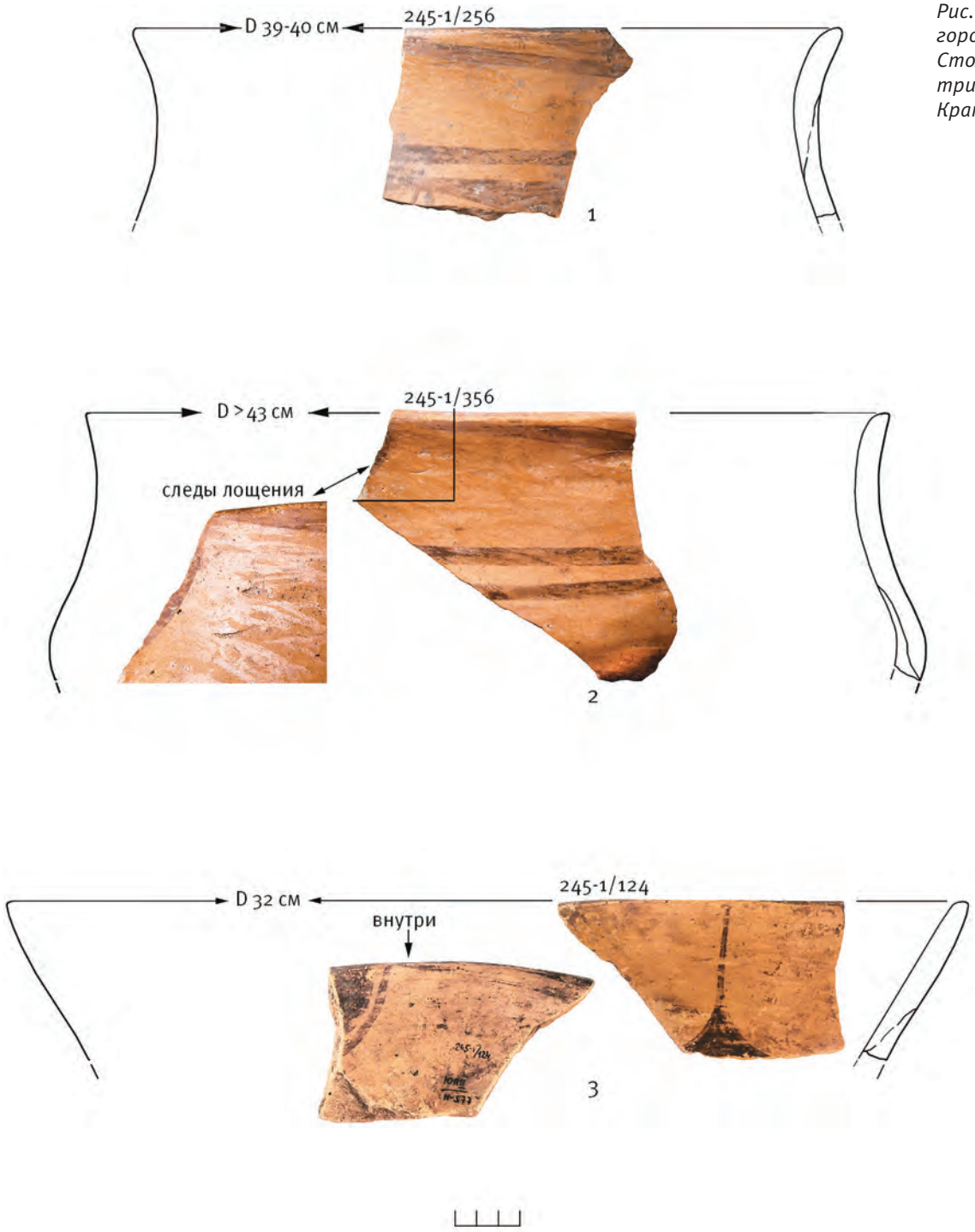


Рис. 82. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Кратеры

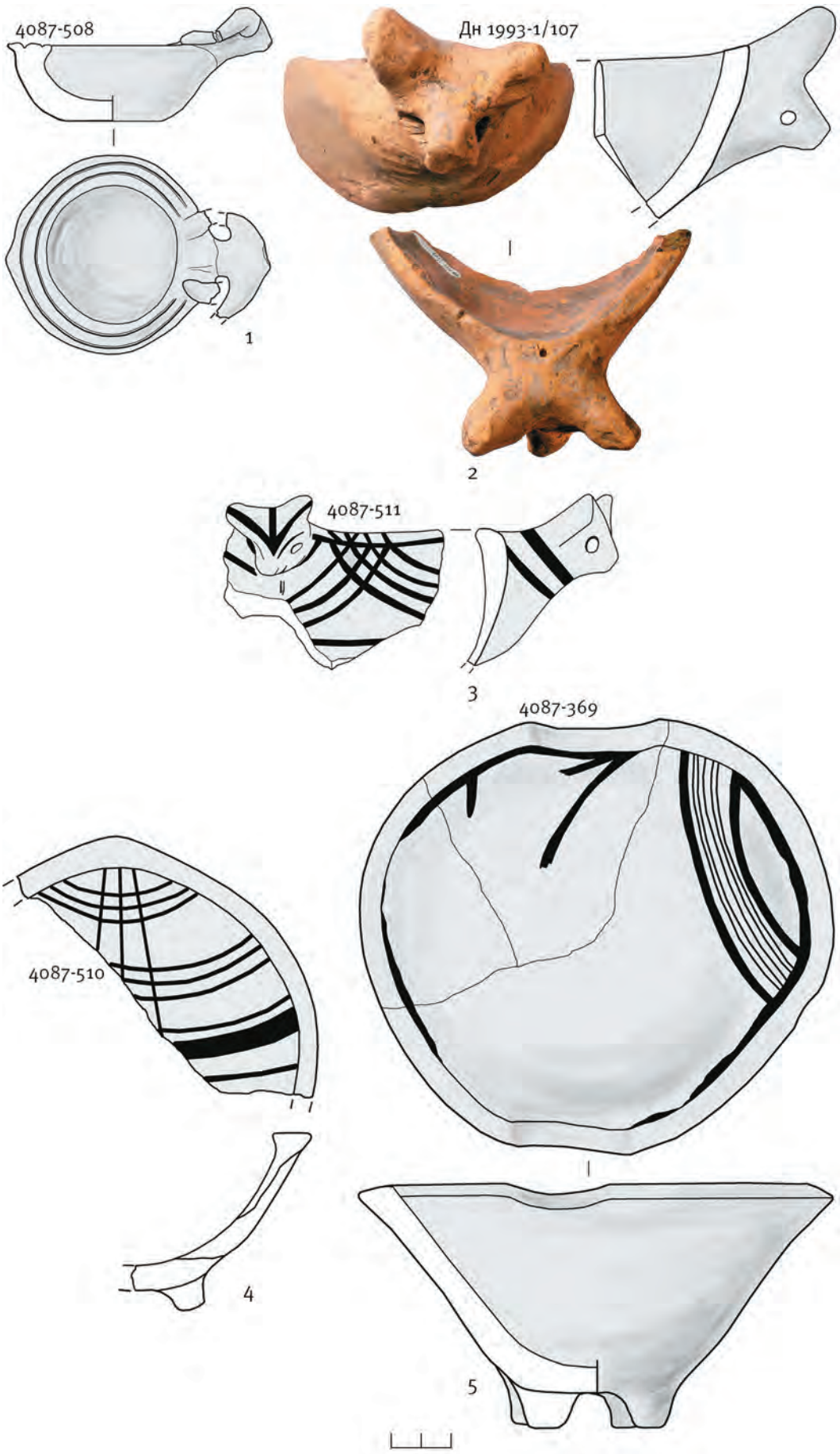


Рис. 83. Немировское городище. Зооморфные сосуды трипольской культуры

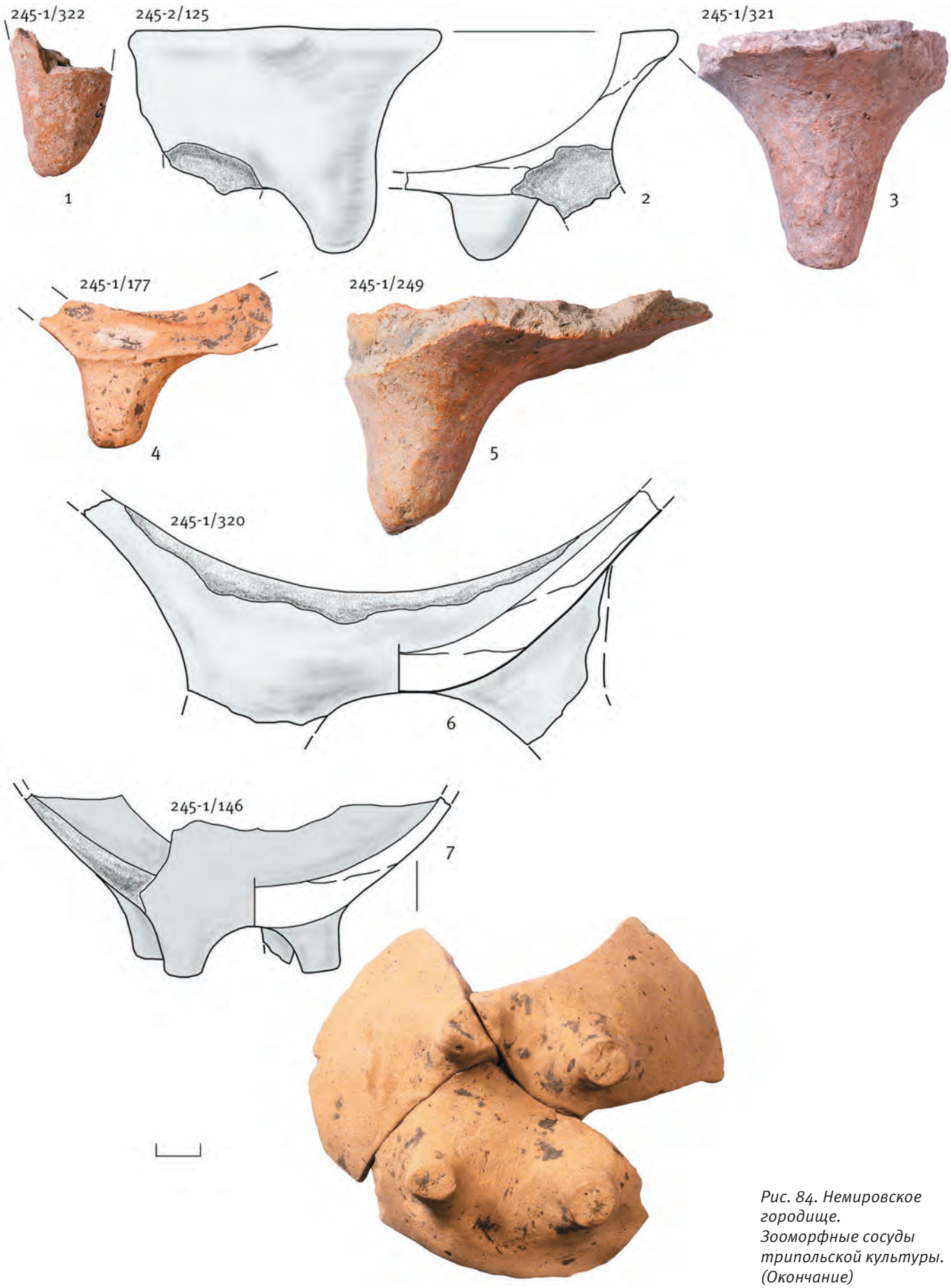


Рис. 84. Немировское городище. Зооморфные сосуды трипольской культуры. (Окончание)

В коллекции трипольских материалов из Немирова имеется также изделие из мелкоструктурной глины без видимых примесей. Оно представляет собой *подпрямоугольное в плане корытце* на двух ножках-подставках, в каждом из которых проделано горизонтальное отверстие (**рис. 85**). С. А. Гусевым оно было интерпретировано как зооморфный сосуд (Гусев 1995а: 215). Действительно, на поселениях Владимировка и Каролина найдены фрагменты от аналогичных изделий, на которых сохранились выступы в виде небольшого хвоста (Там же: рис. 68, *3, 4*). Не исключено также, что это корытце могло быть моделью повозки.

Вопрос о наличии колесного транспорта в энеолитических культурах Евразии уже не раз поднимался исследователями (см. Кожин 1985: 169–182. Балабина 2004: 180–213; Кирчо 2009: 25–33). Что касается трипольской культуры, то здесь пока мы имеем дело лишь с косвенными свидетельствами его присутствия. В трипольских комплексах известны глиняные модели саней, которых насчитывается уже более 50 экземпляров. Наибольшее их количество было найдено именно в Буго-Днепровском междуречье (Кравец 1951: 127–135; Рижов 1988; Балабина 2004: 180 сл.). Описываемая емкость, судя по сохранившейся части, была корытообразной подпрямоугольной формы, чем имеет определенное сходство с кузовом саней. Конечно же, нельзя проводить прямые параллели между моделями санок и «повозкой» из Немирова, поскольку гипотеза о существовании у трипольцев какого-либо колесного транспорта пока не имеет достаточных подтверждений. Хотя в свое время С. А. Гусевым была опубликована фигурка бычка на колесах с поселения Ворошиловка, у которой изначально были только сквозные отверстия в ногах, а оси и колеса были уже дополнены автором, но эта реконструкция не получила поддержки у исследователей (Гусев 1995а: 216–217, рис. 69). Тем не менее, нельзя полностью отрицать идею существования транспортных средств в трипольском обществе. Можно лишь говорить об отсутствии прямых свидетельств. Так, например, находки статуэток бовинов со сквозными отверстиями в ногах и в других частях тела, вероятно, предполагают крепление к ним какой-то дополнительной конструкции, возможно повозки (Балабина 1998: 38; 2004: рис. 22, *3, 7*).

Рис. 85. Немировское городище. Изделие трипольской культуры со сквозными отверстиями (модель повозки(?))

Биноклевидные изделия изготовлены из мелкоструктурного теста с незначительной примесью мелкого шамота. В коллекции Немирова есть фрагменты трех экземпляров — два фрагмента тулова и средняя перемычка (**рис. 86**). Назначение этих предметов не установлено и до сих пор вызывает среди исследователей многочисленные дискуссии (см. Палагута 2007). На фрагментах «биноклей» из Немирова следы росписи отсутствуют, но поскольку их поверхность сильно затерта и верхний слой, скорее всего, смыт при мытье после раскопок, не исключено, что они были орнаментированы. Судя по окончаниям центральной перемычки, она крепилась к туловам «бинокля» без дополнительного штифта.

К предметам, назначение которых не определено, можно также отнести фрагменты двух изделий, изготовленных из мелкоструктурной глины без видимых примесей и обожженных в окислительной среде. Это *фрагменты двух пластин* округлой в плане формы с невысоким бортиком (**рис. 87**). Каждое из изделий было вылеплено из двух лепешек глины, наложенных друг на друга. Затем оба изделия были покрыты дополнительным толстым слоем глины. Из этого слоя были сформованы бортики, на которых отчетливо видны следы от пальцев. Одно изделие имеет диаметр приблизительно 22–23 см, другое — 16–17 см. Следов краски от росписи нет, также отсутствуют какие-либо детали, позволяющие предполагать их культовое предназначение. Скорее всего, эти пластины с бортиками имели какое-то практическое применение, например, использовались в качестве крышек для сосудов или подставок.

Кухонная керамика представлена в трипольском комплексе из Немирова горшками с S-видным профилем, отличающимися друг от друга только размерами и пропорциями (**рис. 88–92**). Диаметры венчиков варьируют от 13 до 30–32 см. По составу примесей в тесте кухонную керамику можно подразделить на сосуды с примесью толченой ракушки или известняка, с примесью шамота и с примесью кварцевого песка. Часть кухонных горшков, судя по цвету, обжигалась в восстановительной среде, а часть – в окислительной. Возможно, некоторые сосуды обжигались вместе со столовыми в печах. Очевидно, что кухонная посуда эксплуатиро-

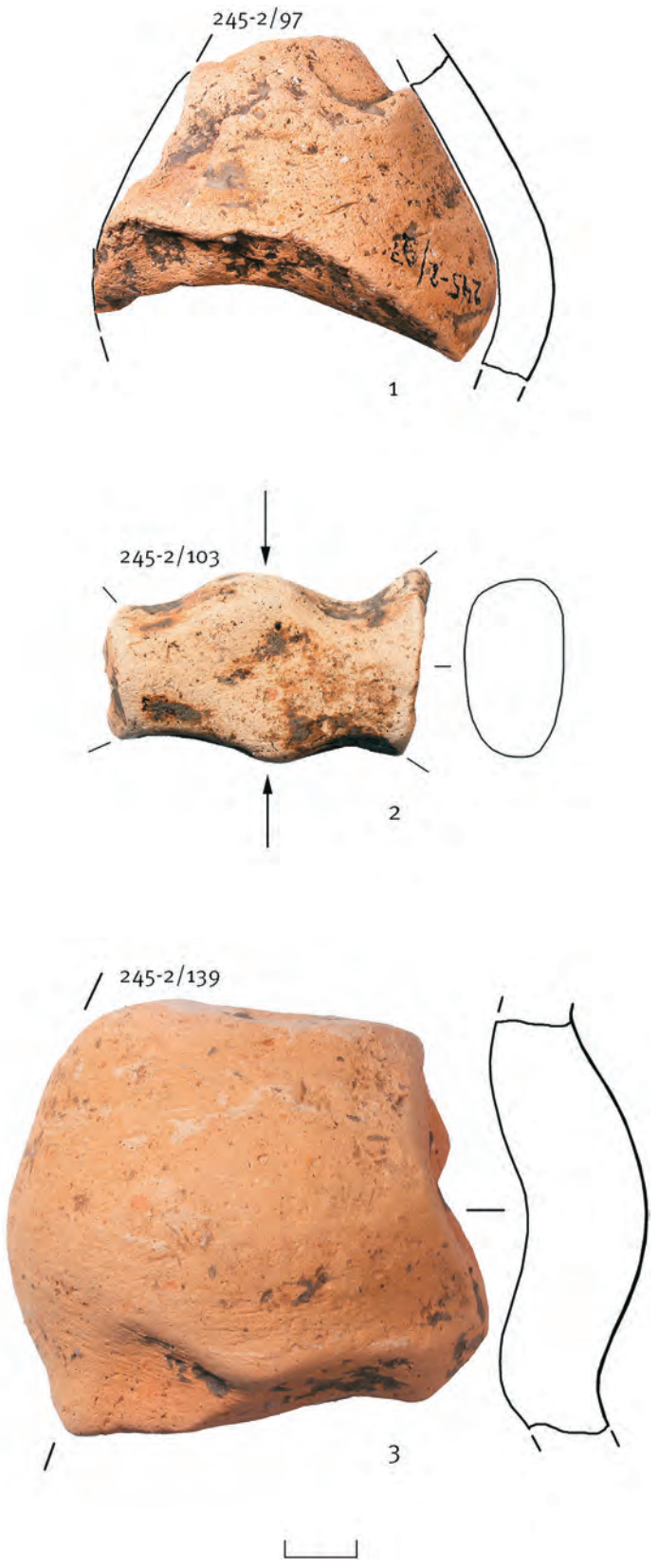
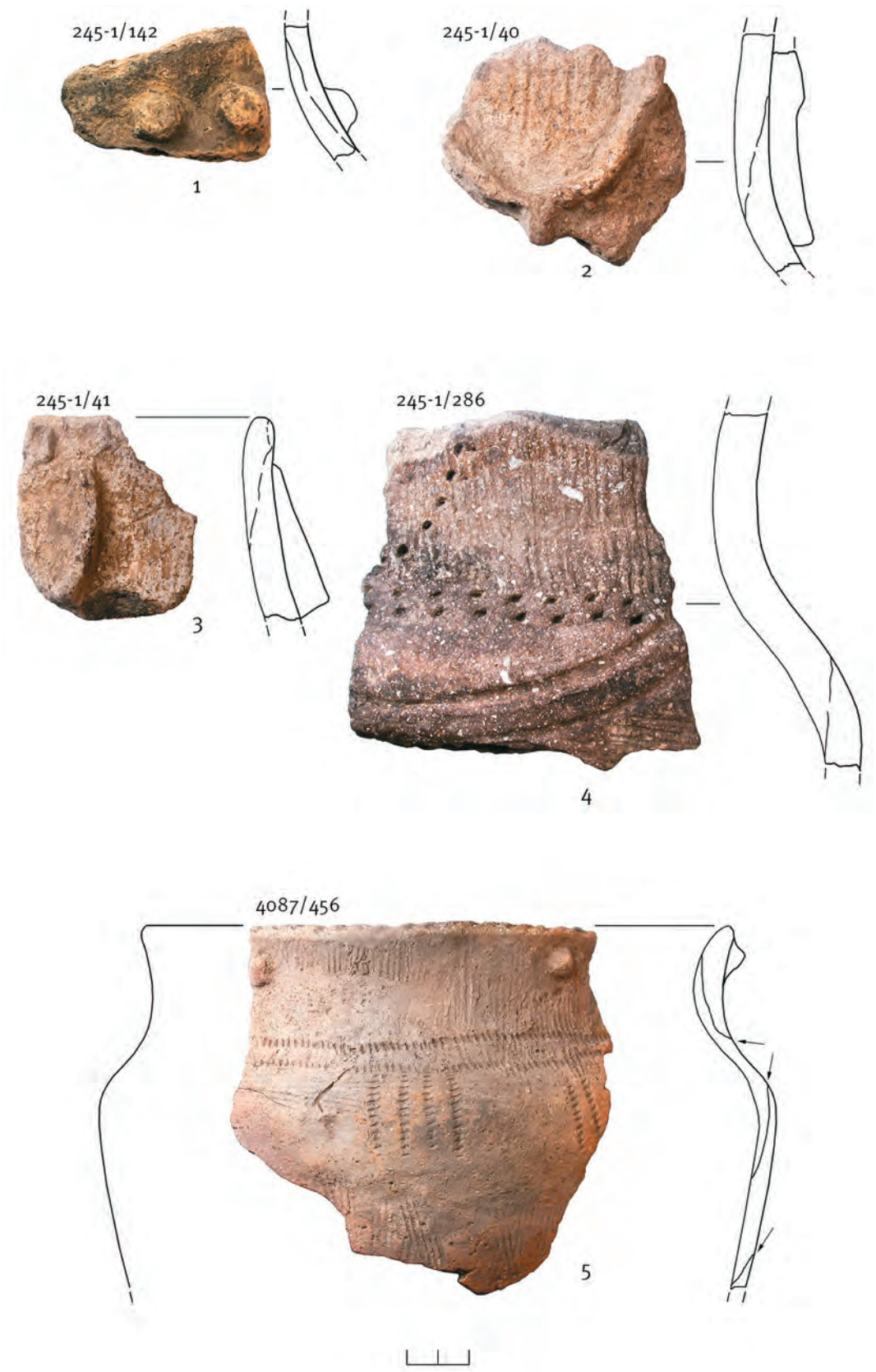


Рис. 86. Немировское городище. «Бинокли» трипольской культуры

Рис. 87. Немировское городище. Крышки-подставки (?) трипольской культуры

Рис. 88. Немировское городище. Кухонная керамика трипольской культуры

Рис. 89. Немировское городище. Кухонная керамика трипольской культуры. (Продолжение)



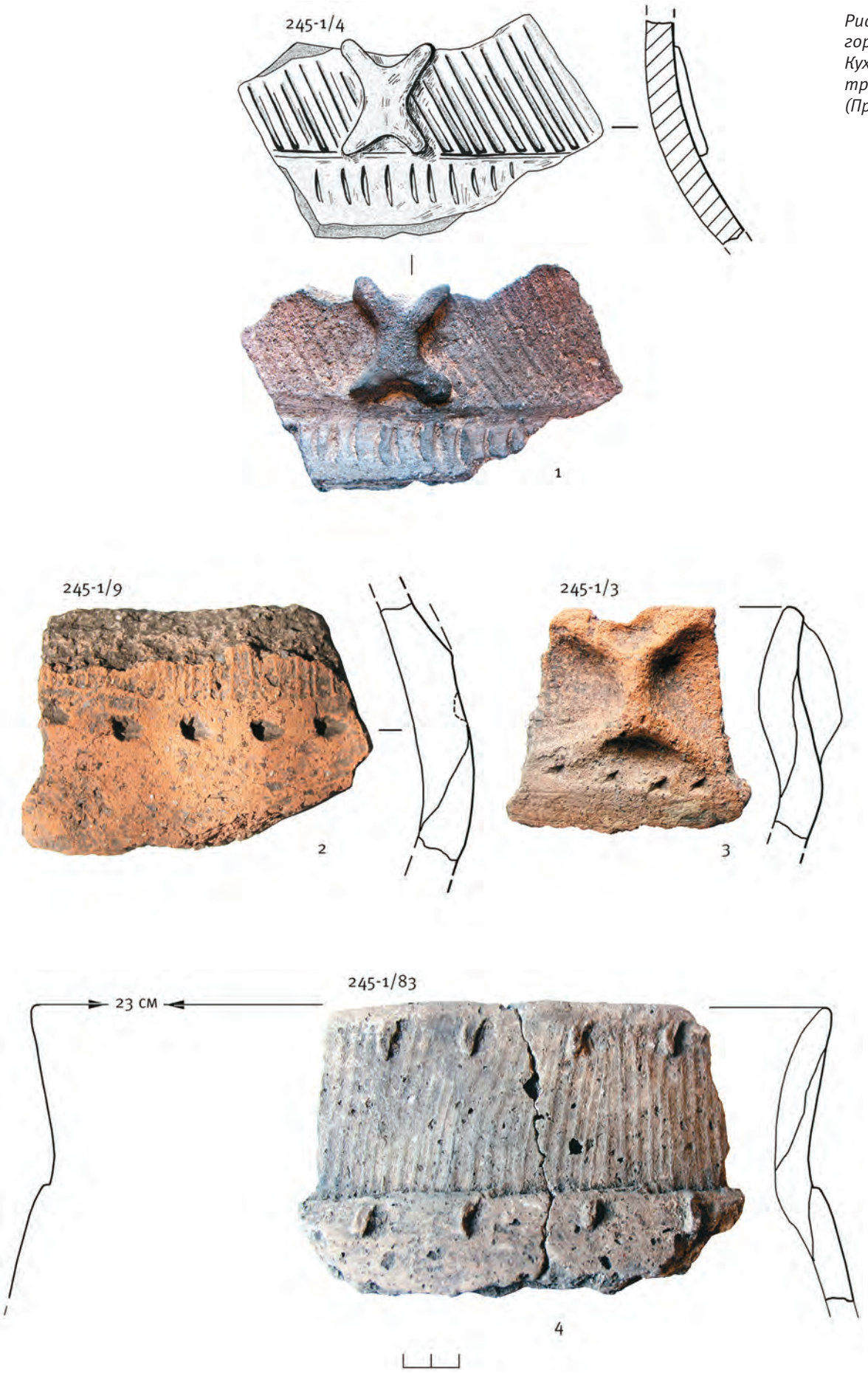
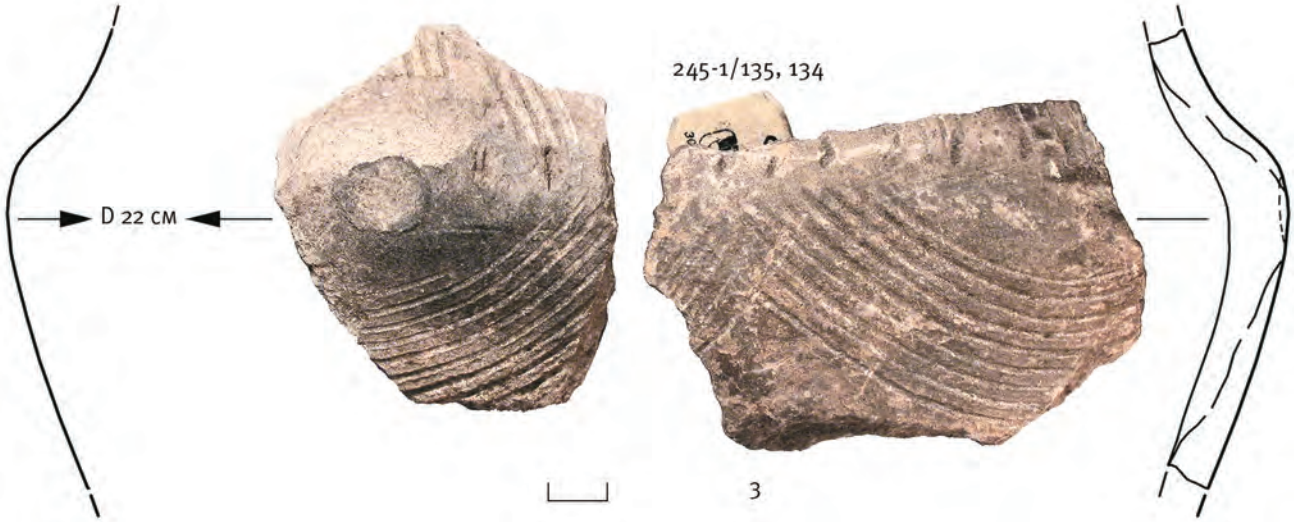


Рис. 90. Немировское городище. Кухонная керамика трипольской культуры. (Продолжение)

Рис. 91. Немировское городище. Кухонная керамика трипольской культуры. (Продолжение)

Рис. 92. Немировское городище. Кухонная керамика трипольской культуры. (Окончание)



валась активнее, соответственно, билась чаще столовой и изготавливалась не большими партиями, а отдельными экземплярами по мере необходимости. Поэтому некоторые сосуды могли ставить в гончарную печь вместе с большой серией столовой керамики при наличии свободного места, а небольшие партии кухонных горшков обжигались отдельно, либо в специальных ямах, либо в обычных домашних печах. Этим и объясняется разница в качестве и температуре обжига посуды данной категории.

Орнаментация всей кухонной посуды достаточно бедная или отсутствует вообще. В основном это оттиски гребенчатого штампа сверху на венчике, вертикальные расчесы по горлу, иногда в сочетании с парными небольшими налепами-бугорками. Верхняя часть тулова в отдельных случаях декорирована фестонами. Интересен тот факт, что на некоторых сосудах с примесью толченой ракушки видны следы выбивки, которая сочеталась с традиционной трипольской обрезкой.

На нескольких горшках на горле имеются небольшие ручки с горизонтальными отверстиями.

На одном из более крупных фрагментов венчика со стенкой можно определить, что расчесы выполнены инструментом с рабочей частью шириной 4 см (**рис. 89, *5***). Этим же инструментом сделаны два горизонтальных ряда оттисков по плечикам, а также вертикальные ряды оттисков, длиной также 4 см, которые сгруппированы по четыре.

Особый интерес представляют фрагменты кухонных горшков с дополнительными декоративными деталями. Так, в коллекции из Немирова есть два фрагмента с крестообразными налепами на горле (**рис. 90, *1, 3***). Они совершенно не функциональны и варианты их интерпретации могут быть разные: от редуцированных ручек до схематичного изображения растянутой шкуры животного, как это было предложено С. А. Гусевым (Гусев 1995а: 126).

Зооморфное рельефное изображение (на одном сохранилась лишь небольшая часть) есть на фрагментах двух кухонных сосудов, на которых на горле, поверх вертикальных расчесов имеются налепы в виде головы животного с изогнутыми дугой рогами (**рис. 89, *2, 3***).

Отдельную небольшую группу в трипольской коллекции из Немирова составляют ***миниатюрные сосуды***. Все они изготовлены из мелкоструктурной глины, без примесей или с незначительной примесью мелкого шамота. Эта группа представлена пятью мисками, четырьмя горшками и двумя крышками (**рис. 93**), причем сосуды в каждой из трех форм значительно различаются. Диаметры венчиков (устья крышек) не превышают 5 см.

Все пять миниатюрных мисок вылеплены из одного комка глины. На одной из них на внутренней поверхности отчетливо видны отпечатки ногтей, то есть миску вытягивали из глиняной лепешки, уминая внутри пальцами (**рис. 93, *1***). Все они имеют относительно толстые стенки и довольно неровную поверхность. По форме миски отличаются. Первая – полусферическая, с загнутыми внутрь краями, вторая – коническая, с прямыми стенками (**рис. 93, *1, 2***). Третья миска подпрямоугольной в плане формы, имеет почти прямые стенки, слегка расходящиеся к венчику, а вся ее поверхность покрыта глубокими наколами округлой формы, на донце снаружи прочерчена глубокая прямая линия, у венчика два сквозных отверстия и ушко (**рис. 93, *3***). Четвертая миска – неглубокая толстостенная полусферической формы. Сверху на венчик у нее налеплена лента-жгут, концы которой не сомкнуты, а торчат вверх в виде рожек (**рис. 93, *5***). Пятая миска – ассиметричная, грубо слепленная, очень мелкая, конической формы (**рис. 93, *6***).

Два из трех миниатюрных горшков имеют плавный S-видный профиль и толстые стенки. В верхней трети тулова у них расположены два ушка с горизонтальными отверстиями (**рис. 93, *8, 9***).

Самый маленький сосуд, высотой 2,7 см, слабопрофилированный, открытый, по форме напоминает кратер (**рис. 93, *7***).

Четвертый экземпляр представляет собой биконический толстостенный сосудик с двумя выступами-упорами посередине тулова. Внутри он разделен перегородкой на две равные части. Следы охры внутри свидетельствуют о том, что сосуд использовали для хранения или разведения краски (**рис. 93, *4***).

У миниатюрных крышек также относительно толстые стенки. Одна крышка полусферической формы с относительно ровной поверхностью, с двумя выступами-рожками у верха (**рис. 93, *10***). Вторая крышка шлемовидной формы. В верхней части у нее один налеп в виде рожка (обломан). Поверхность неровная, со следами формовки пальцами (**рис. 93, *11***).

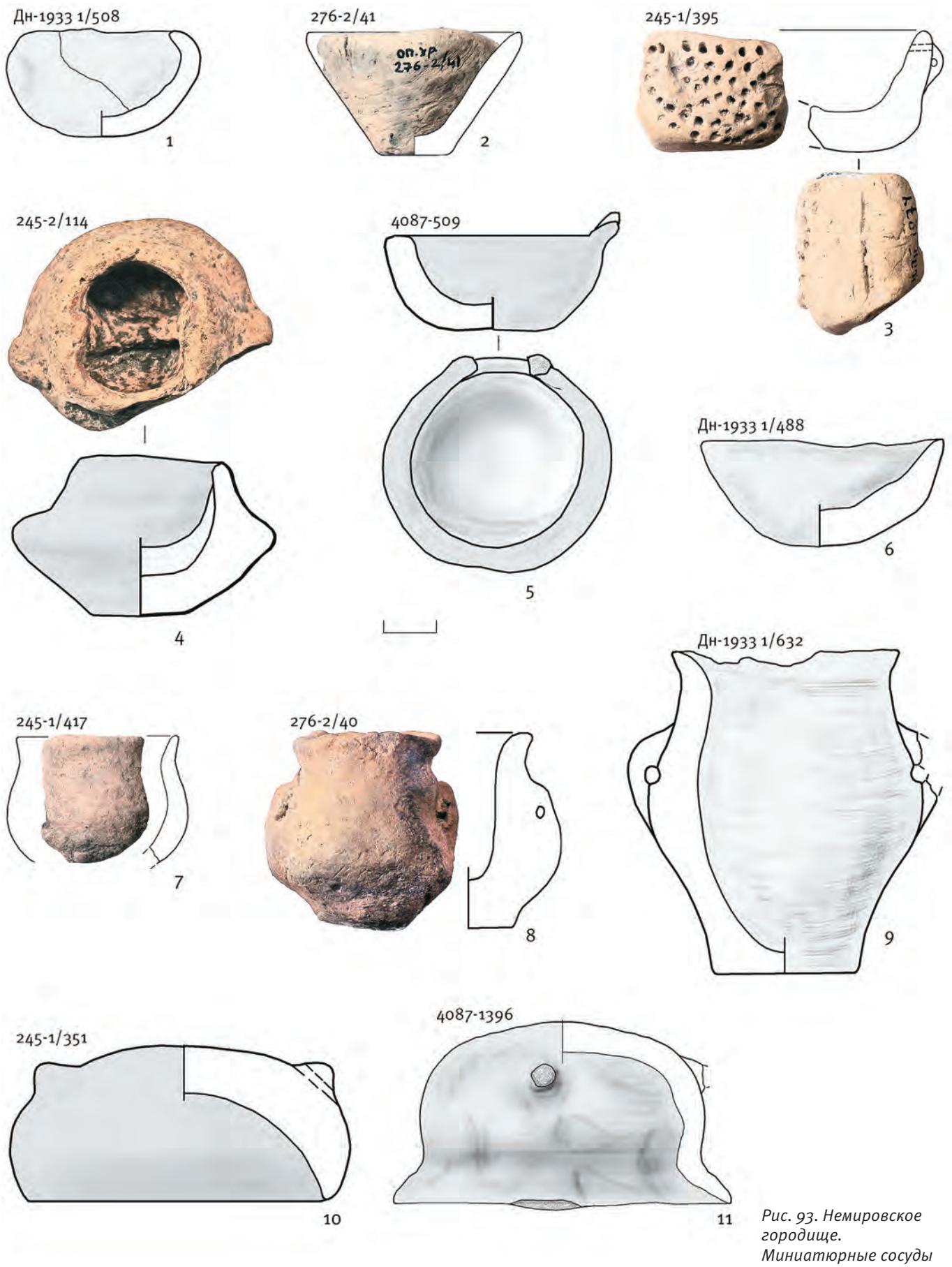


Рис. 93. Немировское городище. Миниатюрные сосуды трипольской культуры

Таким образом, керамический комплекс трипольского слоя Немировского городища представляет собой достаточно стандартный функциональный набор посуды, который по формам и декору соотносится с самым началом позднего периода Триполья — этапом CI. Несмотря на отсутствие археологического контекста, количественное соотношение форм керамики в целом аналогично уже имеющимся аналогичным данным по другим памятникам (Старкова 2011: 11; 2012: 13–14).

3.3. Антропоморфная пластика

В коллекции трипольских материалов из Немирова имеется относительно большой набор антропоморфной пластики, состоящий из 54 статуэток (Приложение 2, **рис. 94–102**). Статуэтки исключительно разнообразны по стилю и технике изготовления, но, к сожалению, в комплексе нет ни одной целой фигурки.

Из-за фрагментарности материала составить какую-либо «работающую» типологию практически невозможно. В историографии трипольской культуры представлено лишь две монографии, полностью посвященных антропоморфной пластике (Погожева 1983; Monah 1997). А. П. Погожева в свое время собрала практически весь материал по этой теме и предложила авторскую классификацию материалов. Тем не менее, на современном этапе исследований использовать ее схему не представляется возможным, и не только потому, что за последующие годы в научный оборот введено огромное количество материала. В предложенную классификацию включен весь материал по трипольской пластике с разделением на ступени, типы и подтипы, но без хронологического деления. Дело в том, что антропоморфная пластика Триполья ранних и поздних периодов отличается кардинально и невозможно доказать ее линейную трансформацию. Тем не менее, следует отметить, что монография А. П. Погожевой до сих пор остается единственным полным сводом по трипольской антропоморфной пластике.

В настоящей работе представлено описание материала с акцентом на некоторые нюансы, представляющие интерес. Для удобства описания статуэтки разделены на две основные группы: миниатюрные и массивные.

Подавляющее большинство из них (47 экземпляров) миниатюрных размеров, высота статуэток не превышает 10–11 см. Крупных фигурок, достигающих в высоту 25 см и более, в данной коллекции всего шесть.

В трипольской коллекции из Немирова среди миниатюрных статуэток семь головок и шесть головок с торсом. Остальные — это фрагменты нижних частей, иногда с частями торса, а также торсы и их фрагменты.

Статуэтки вылеплены из глины, разной по составу, но в целом идентичной глиняному тесту, из которого лепилась местная трипольская керамика. Оно могло быть чистым, без видимых примесей, а также с незначительной примесью мелкого шамота или песка. Поскольку песок мелкий и окатанный, то не исключено, что он являлся составляющей природного сырья. Судя по сломам, большинство статуэток, вероятно, моделировались из трех кусков глины: голова, туловище и нижняя часть.

Поверхность во многих случаях покрывалась дополнительным тонким слоем мелкоструктурной глины, на котором уже прорабатывались мелкие детали. Отслаивающийся верхний слой хорошо заметен на отдельных экземплярах (**рис. 99, *2***).

Цвет глины статуэток также разный: оранжевый, желтый, коричневый, темно-серый, коричневый. Это свидетельствует не только о том, что фигурки изготавливались из разной глины, но и о том, что они могли обжигаться как в окислительной, так и в восстановительной среде.

На поверхности некоторых статуэток присутствуют еле заметные следы краски. Возможно, часть из них была окрашена, хотя некоторые просто могли находиться рядом с красящим веществом (охрой).

Все головки выполнены в традиционной для Триполья схематичной манере — тремя защипами. На месте глаз в большинстве случаев округлые сквозные отверстия. Кроме того, на двух экземплярах имеются дополнительные элементы. Так, на одной головке — четыре прочерченные линии, симметрично спускающиеся сверху на «лоб» (**рис. 96, *2***). На другой, на шее сзади — углубленная линия, возможно, часть прически (**рис. 96, *1***).

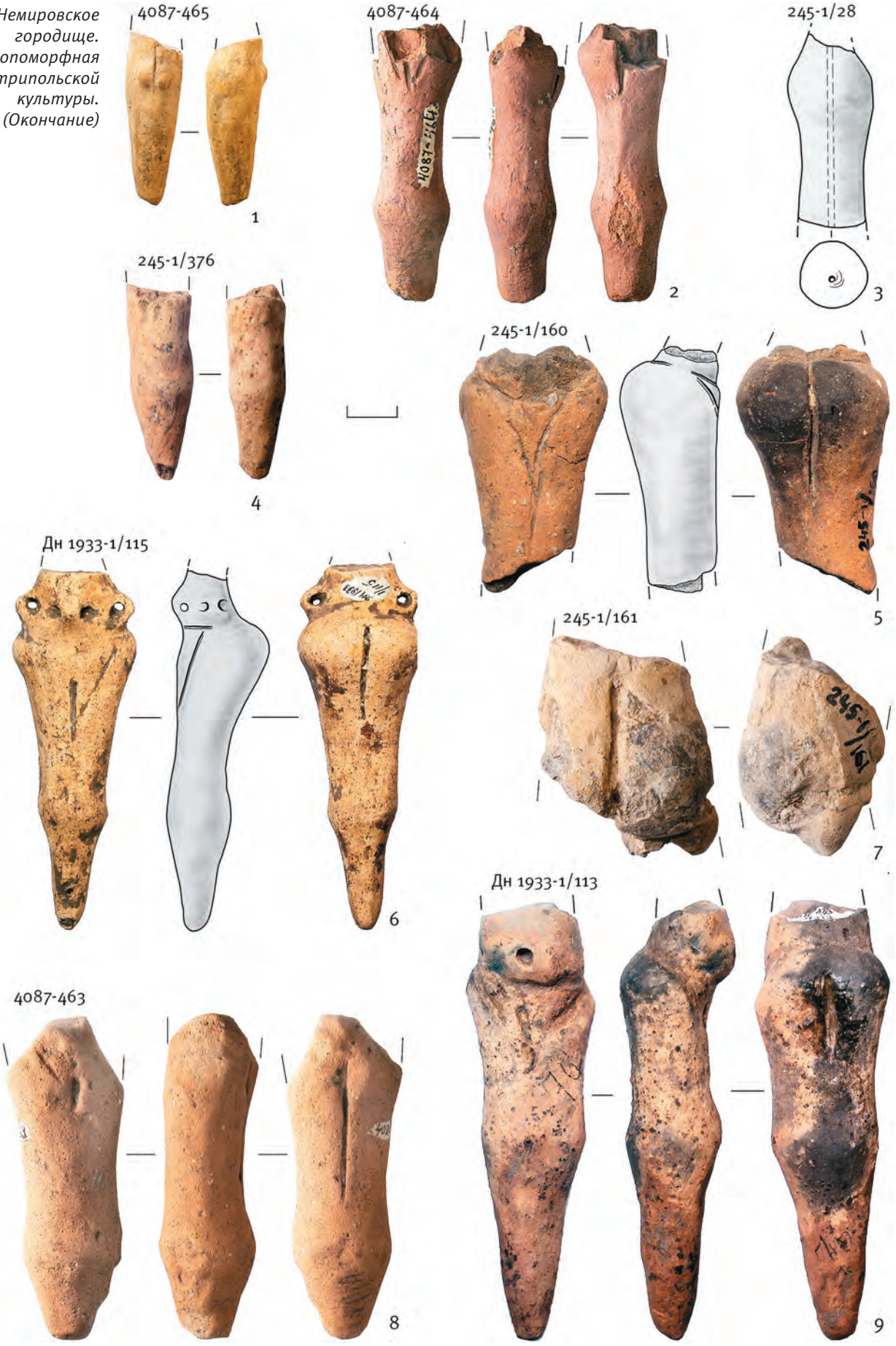
Признаки пола можно определить только на нескольких статуэтках, причем не только из-за фрагментарности материала, но еще

Рис. 94. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры

Рис. 95. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры. (Продолжение)

Рис. 96. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры. (Продолжение)

Рис. 97. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры. (Окончание)



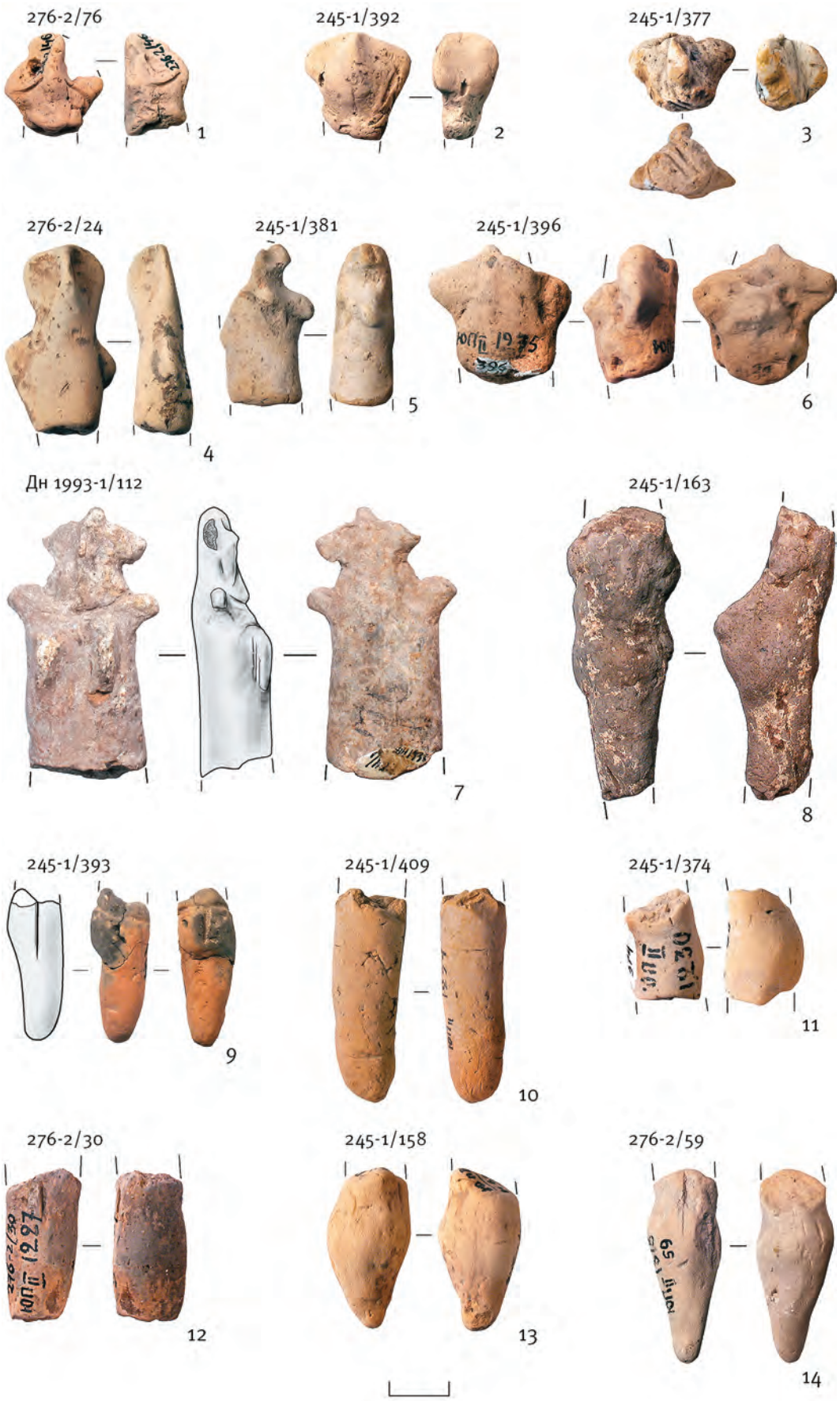


Рис. 98. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры, выполненная детьми(?)

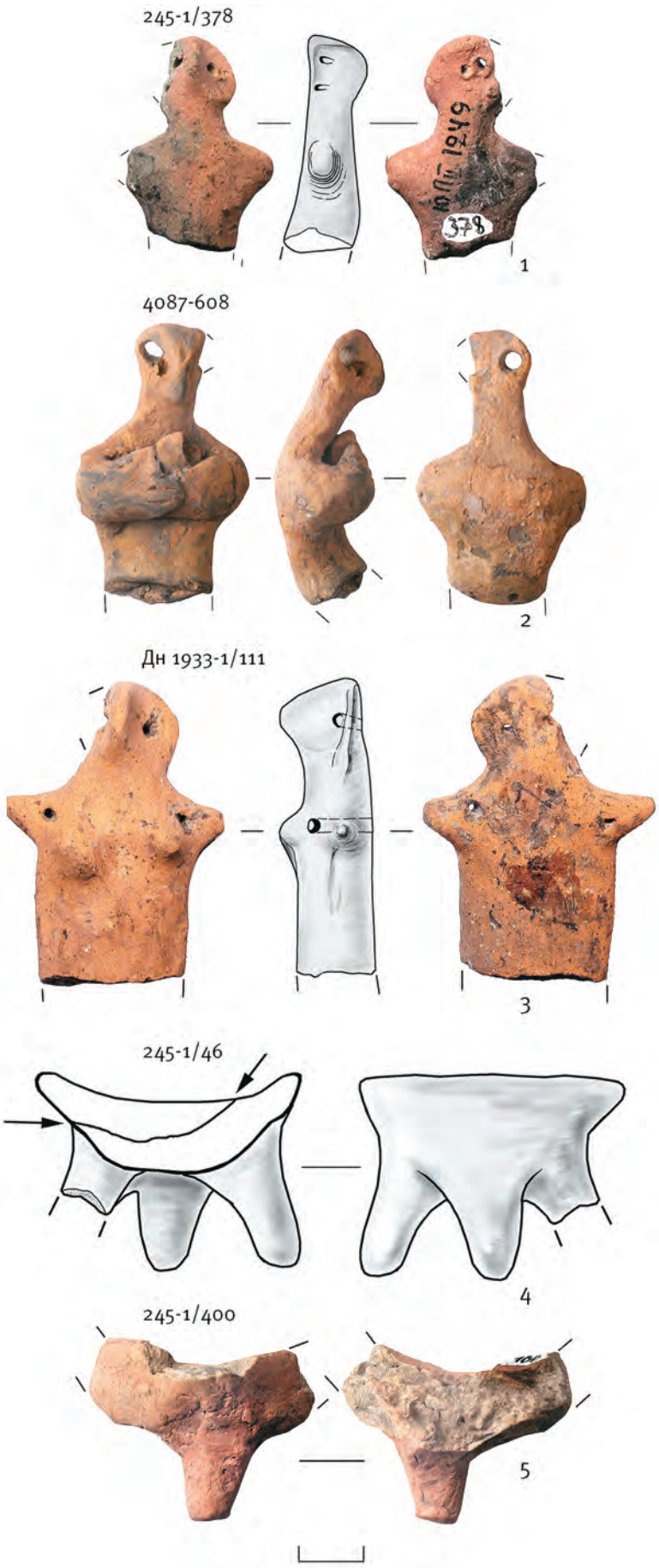


Рис. 99. Немировское городище. Антропоморфная пластика и фрагменты креслиц трипольской культуры

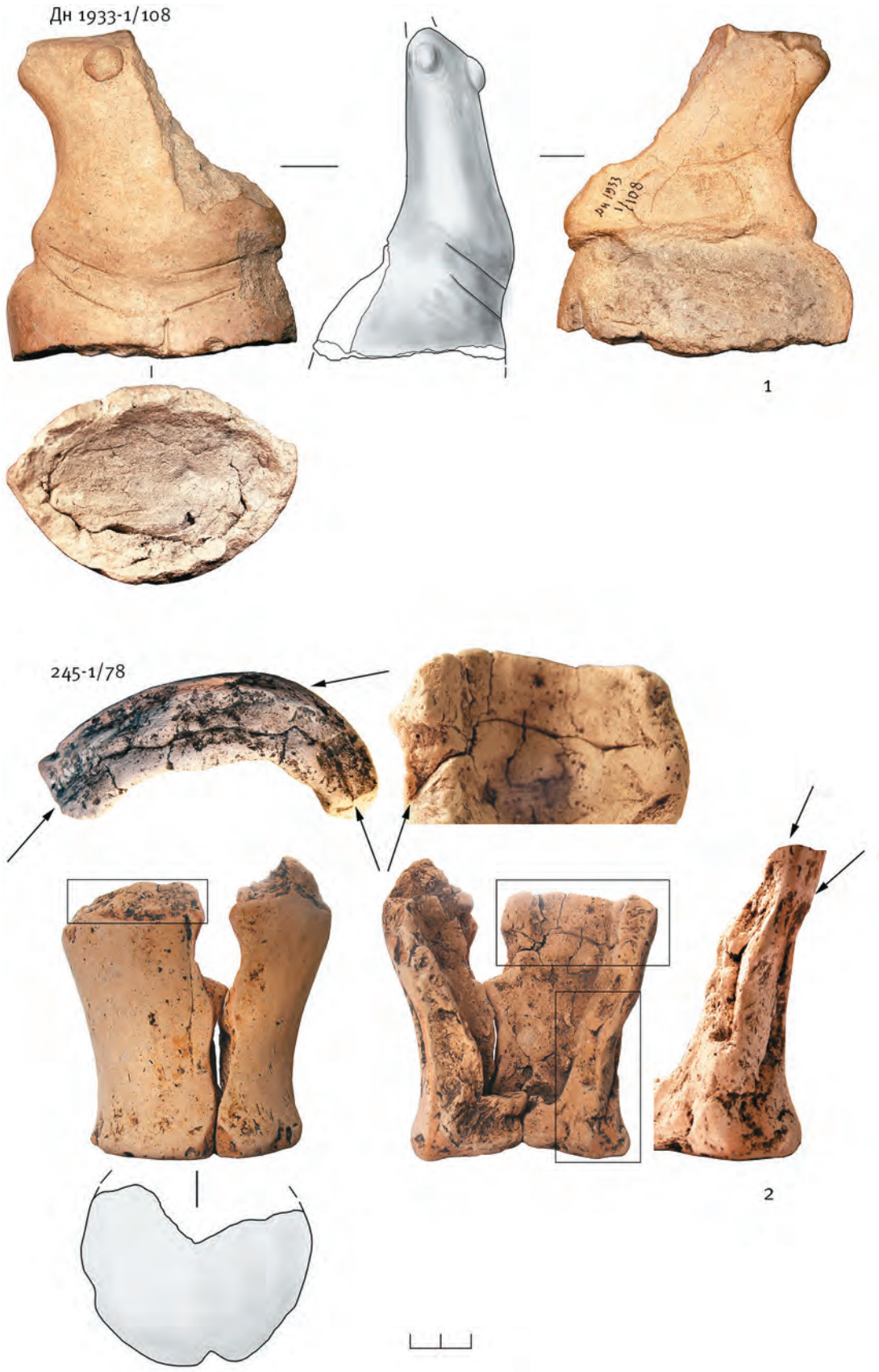
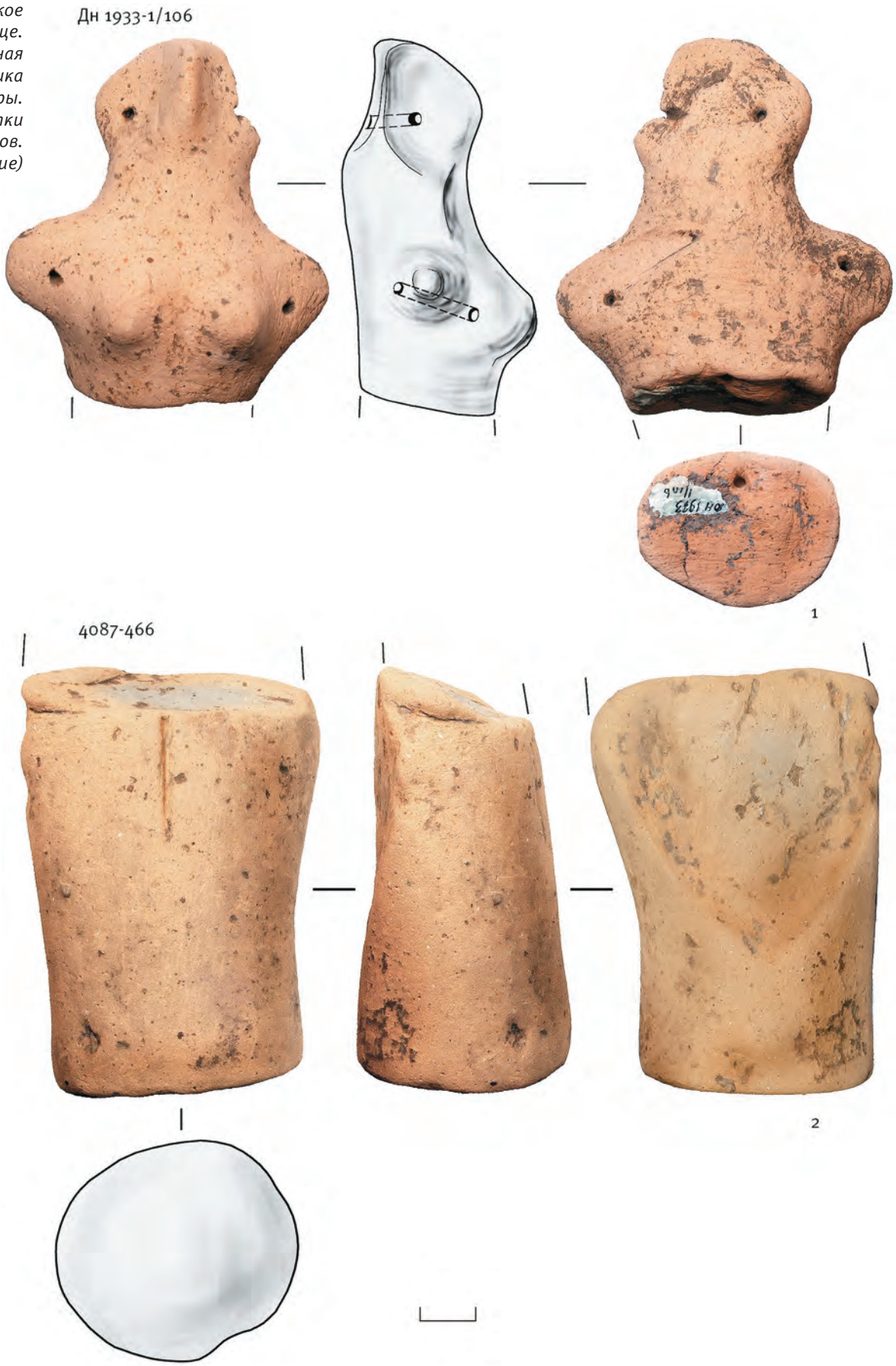


Рис. 100. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры. Статуэтки крупных размеров

Рис. 101. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры. Статуэтки крупных размеров. (Продолжение)



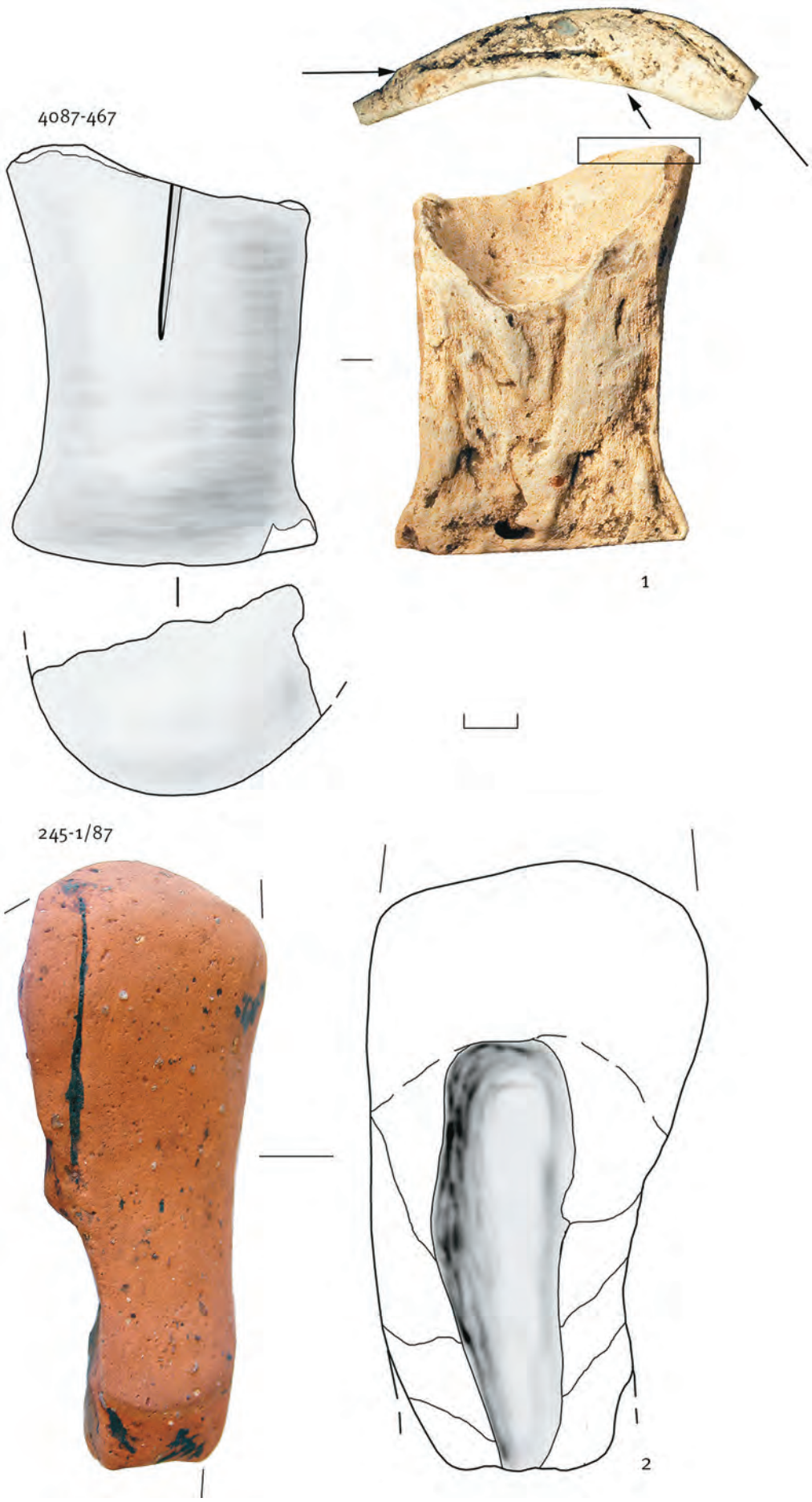


Рис. 102. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры. Статуэтки крупных размеров. (Окончание)

и потому, что в большинстве случаев они просто не выражены. Признаками женского пола являются женская грудь, переданная округлыми налепами, и женский «треугольник», выполненный прочерченными линиями внизу живота. Таким образом, фигурок, изображающих женщин, в коллекции выделено 17 (**рис. 94, *3, 5*; 95, *5, 6*; 96, *3, 5*; 97, *2, 5, 6, 8*, 9; 98, *2, 3*; 99, *2, 7;* 100, *1*; 101, *1***). Мужская статуэтка, с мужским половым органом, только одна (**рис. 96, *4***).

Следует выделить особо статуэтку, которая держит на руках младенца (**рис. 99, *2***)[6]. По изогнутости корпуса можно предположить, что фигурка была сидячая. На самом деле младенца почти не видно — только часть головки, но судя по сложенным рукам и некоторым имеющимся аналогиям, с большой долей вероятности можно утверждать, что эта статуэтка изображает именно женщину с ребенком на руках (Погожева 1983: рис. 28, *6*; Ancient Trypillia 2010: 11–13). Важно, что исключительно все аналогичные изображения найдены на трипольских поселениях, хронологически соответствующих началу позднего периода Триполья — этапу CI.

На руках фигурки прочерченными линиями выделены пальцы. Это редкий случай, поскольку, как известно, у трипольских статуэток руки традиционно обозначаются небольшими выступами. Скорее всего, пальцы прорисовывались тогда, когда необходимо было сделать акцент на руки, которые что-то держали или производили какие-либо действия. Так, например, выделены пальцы на руках у женской фигурки в модели жилища из поселения Попудня, где женщина обрабатывает зерно (Палагута, Старкова 2017: рис. 2, *2, 4*).

В коллекции Немирова есть фрагмент еще одной сидячей статуэтки, от которой сохранилась только нижняя часть торса (**рис. 98, *7***). У этой фигурки каждая нога вылеплена отдельно и, судя по углу, под которым они крепились к торсу, можно определить, что она была сидячей.

С сидячими статуэтками напрямую связаны миниатюрные креслица. Их в коллекции всего два (**рис. 99, *4, 5***). Аналогичные креслица встречаются на трипольских поселениях вместе с антропоморфными статуэтками (см., например, Риндюк, Старкова 2004). По внешнему облику они напоминают миниатюрные сосуды на ножках.

У большинства статуэток признаки пола не подчеркнуты: спереди углубленная линия — разделитель ног доходит до линии, опоясывающей торс (**рис. 94, *6, 8*; 95, *2*; 96, *8***). Линия, опоясывающая торс, могла изображать пояс. Так, например, на одном фрагменте вниз от нее прочерчены две параллельные линии разной длины, вероятно, концы пояса (**рис. 95, *2***). Нечто, напоминающее пояс, также есть на торсе единственной в комплексе статуэтки, у которой детали прорисованы краской, а не углубленными линиями (**рис. 94, *4***).

Ноги у статуэток не разделены, и практически все имеют веретенообразную форму с утолщением, которым подчеркивалась икра. Ступни, точнее, одна ступня, смоделирована лишь у одной статуэтки из Немирова (**рис. 95, *1***). Только у двух фигурок выделены колени в виде двух бугорков (**рис. 96, *4*; 97, *1***).

Также среди миниатюрных статуэток есть несколько отличающихся от других по технике лепки (**рис. 98**). Все они изготовлены неаккуратно и неумело, поверхность заглажена неровно с многочисленными трещинами, обжиг слабый и во многих случаях неравномерный. Фигурки сделаны преимущественно из глины без примесей. Вполне возможно, что они были вылеплены детьми. Среди миниатюрных статуэток они самых маленьких размеров и сформованы в основном из одного куска глины. На всех сохранившихся головках нет отверстий на месте глаз, вероятно, потому что это относительно сложная манипуляция для не имеющих определенного навыка лепки. Лишь на одной головке была предпринята неудачная попытка проделать отверстия (**рис. 98, *1***). Другая головка вообще представляет собой законченное изделие без туловища и ног (**рис. 98, *3***). Она изготовлена неаккуратно, тремя неровными защипами и также без отверстий-глаз. Снизу, на переходе к шее, сделаны две глубокие насечки, свидетельствующие, что это не слом, а туловище отсутствовало изначально.

В коллекции Немирова также представлены шесть массивных статуэток, которые выделяются своими размерами и формой

[6] Эта статуэтка, числящаяся под № 4087-608 в коллекции «Щербатово городище», опубликована А. П. Погожевой, где она ошибочно отнесена к поселению Кринички (Погожева 1983: рис. 21, *4*). Впоследствии эту же ошибку повторил С. А. Рыжов (Рижов 2001: рис. 11, *2*).

из набора антропоморфной пластики поселения (см. **рис. 100–102**). Все шесть фигурок сохранились фрагментарно: две представляют собой верхние части туловищ, из которых только у одной сохранилась голова, от четырех других имеются только нижние части.

Судя по размерам торса (длина 11 см), высота одной целой фигурки была около 20 см (**рис. 100, *1***). Фигурка массивная, с выраженной стеатопигией. Показан слегка выпуклый живот, грудь вылеплена в виде округлых уплощенных налепов. Руки представляют собой небольшие выступы. Внизу живота тонкими прочерченными линиями обозначен «треугольник», традиционно считающийся признаком женского пола в антропоморфной пластике. Она изготовлена из хорошо отмученной глины без видимых искусственных примесей. В изломе и на поверхности заметны очень мелкие включения слюды, вероятно естественные. Поверхность статуэтки светло-коричневого цвета, внутри цвет — серый. На боковом и нижнем сколах видна техника формовки торса — вытянутый кусок глины был дополнительно обмазан толстым пластом глины. По сколу на задней части фигурки заметно, что при формовке ягодиц использовались не один, а два дополнительных пласта глины, наложенные друг на друга. Внутренний пласт глины в верхней части был растянут и скорее всего сложен пополам, что возможно послужило причиной образования небольшой полости в области живота. Эта полость, видимо, получилась случайно при складывании внутреннего куска глины, хотя в статуэтках такого типа иногда фиксируется искусственная полость именно в этом месте. Антропоморфная статуэтка с искусственной полостью в области живота найдена, например, на кукутенском поселении Фрумушика (слой Кукутень В) на территории Румынии (Matasă 1946: pl. LV, fig. 406a). Однако фигурки с пустым пространством в животе и заложенными в него одним-двумя шариками глины, имитирующими зародыш, встречаются достаточно редко и в большинстве своем принадлежат к раннему периоду (Погожева 1983: 33).

На нижнем сломе статуэтки отчетливо виден внутренний кусок глины, являвшийся основой, и толстый внешний слой. Гладкий слом внутреннего куска показывает, что нижнюю часть лепили отдельно из одного куска глины и присоединяли именно в этом месте. Нижняя часть, видимо, была монолитной (следы формовки и стыковки двух отдельных половинок нижней части не прослеживаются) и имела цилиндрическую форму с плоским основанием (см. Погожева 1984: рис. 22, *1, 2, 7*; Гусев 1995а: рис. 63, *1, 2*; Круц и др. 2001: рис. 51, *6*).

Статуэтка была покрыта двумя дополнительными слоями глины. Первый толстый слой по составу аналогичен глиняной массе, из которой сформована фигурка. Его, очевидно, наносили, чтобы закрыть швы в месте стыковки тулова и нижней части, и, возможно, чтобы дополнительно нарастить объем. На этой поверхности формовались мелкие детали. Затем всю статуэтку покрывали ангобом — тонкодисперсной глиной, отличающейся по составу. Углубленные линии — разделитель ног и треугольник внизу живота — проведены уже поверх ангоба. На ангоб также была нанесена краска, слабые следы которой частично сохранились на поверхности. Поверхность статуэтки из Немирова тщательно заглажена и залощена по подсушенной поверхности (видны следы от лощила).

На спине статуэтки сохранились следы от прически. Волосы, сделанные из тонкого глиняного пласта, скорее всего, были приклеены на подсушенную поверхность. Судя по очертаниям, прическа представляла собой пучок волос, доходящих до пояса и перетянутых в нижней трети. Волосы, завязанные в пучок, довольно часто встречаются у трипольских статуэток конца среднего и начала позднего периодов (см. Погожева 1983: рис. 16, *7*; 21, *5*; Monah 1997: fig. 214, *1*). Аналогичная, но меньших размеров антропоморфная фигурка из Немирова (из фондов ИА НАН Украины) имеет такую же прическу (Monah 1997: fig. 127, *13*).

От другой статуэтки сохранилась ступкообразная нижняя часть, слегка расширяющаяся к плоскому основанию (**рис. 100, *2***). Как и у двух предыдущих, разделение ног фигурки обозначено лишь тонкой неглубокой прочерченной линией. Судя по сохранившемуся фрагменту, фигурка была крупной, возможно, более 20 см высотой. Эта статуэтка, в отличие от остальных, полая внутри. Скорее всего, именно поэтому, несмотря на крупные размеры, она хорошо обожжена (обжиг окислительный), о чем свидетельствует равномерный желто-розовый цвет снаружи, в изломе и внутри. Статуэтка изготовлена

из мелкоструктурного глиняного теста с незначительной примесью мелкого песка и темно-красного шамота. Внешняя поверхность тщательно заглажена и на ней заметны слабые следы красной краски.

Способ формовки достаточно хорошо виден в профиле. Тулово наращивали неширокими лентами, а на внутреннюю поверхность для увеличения толщины стенок дополнительно налепили небольшие куски глины. Дополнительной лентой-жгутом укреплен нижний край. Внутренняя поверхность практически не обработана. Она неровная, в некоторых местах видны следы пальцев мастера. К сожалению, на рисунке в публикации С. А. Гусева (Гусев 2009: рис. 6, *4*) неточно передан внутренний профиль, который получился со «ступенькой». На самом деле на этом месте внутри фигурки имеется небольшое плавное утолщение.

Лишь у одной статуэтки крупных размеров сохранилась голова (**рис. 101, *1***). Фигурка изготовлена из мелкоструктурного теста с примесью темно-красного шамота. Голова вылеплена традиционно — тремя защипами. Глаза переданы сквозными проколами. Также по одному сквозному проколу проделано в руках, которые обозначены короткими выступами. Это женское изображение — грудь передана округлыми налепами.

У следующей статуэтки из Немирова сохранилась только монолитная подцилиндрическая нижняя часть (**рис. 101, *2***). Разделитель ног обозначен прочерченной линией, горизонтальная линия с левой стороны проведена внизу живота. Фигурка имеет старые сколы, к тому же сильно затерта (скорее всего, при мытье), поэтому получить информацию об особенностях обработки поверхности и наличии красочного слоя, к сожалению, невозможно. Поверхность ее ярко-оранжевого цвета, но в изломе тесто серое. Статуэтка явно подвергалась высокотемпературному окислительному обжигу, как и вся расписная керамика с поселения, однако из-за ее толщины (размеры в сечении — 4 × 4,6 см) обжиг получился неравномерный.

Фигурка изготовлена из глины с незначительной примесью мелкого темно-красного шамота и песка, на поверхности и в изломе заметные мелкие слюдяные включения. По сколу сзади видно, что и способ ее изготовления, скорее всего, был аналогичным — на кусок глины налеплен дополнительный толстый внешний слой. Поскольку слом находится на том же месте, что и у предыдущей статуэтки, то вероятно и у нее нижнюю часть и торс формовали из отдельных кусков.

Еще одна статуэтка из раскопок представляет собой половину вертикально расколотой нижней части (**рис. 102, *1***). Высота целой фигурки могла быть около 15–17 см. Нижняя часть у нее подцилиндрическая, слегка расширяющаяся у основания. На внешней поверхности прочерчена очень тонкая неглубокая линия — разделитель ног. В верхней части обломка находится искусственная полость с неровной, но тщательно заглаженной внутренней поверхностью, на которой видны углубления от пальцев мастера. Полость была сделана только в области живота, но где она заканчивалась в верхней части, по сохранившемуся фрагменту непонятно. Как правило, пустое пространство оставляли только в передней части фигурки, там, где находился живот, и было оно относительно небольшим. В данном же случае можно предположить, что у статуэтки полой была вся верхняя часть.

Ровный вертикальный слом дает возможность исследовать технику лепки нижней части статуэтки. Основу составляет кусок глины клинообразной формы. Судя по линиям в изломе, это также мог быть пласт глины, сложенный пополам. К основному куску глины в узкой части дополнительно налеплены небольшие пласты для формовки плоского основания статуэтки. Поверхность фигурки была дополнительно покрыта слоем глины толщиной 2–3 мм. Внешняя поверхность тщательно заглажена.

В коллекции антропоморфной трипольской пластики из Немирова есть еще фрагмент нижней части массивной статуэтки, вылепленной из глины с примесью шамота и песка (**рис. 102, *2***). Углубленной вертикальной линией обозначено разделение ног и ягодиц. Нижняя часть фигурки была полая внутри. При переходе к тулову полость заканчивается. Вполне возможно, что торс был монолитным, а низ фигурки слишком массивен, и для лучшего обжига его изготовили с полостью. В сломе видно, что статуэтка лепилась лентами (или жгутами). Способ обработки внешней поверхности установить невозможно из-за плохой сохранности фрагмента.

Тема технологии изготовления трипольских статуэток затронута лишь в нескольких публикациях. Наиболее подробно она рассмотрена А. П. Погожевой, которая отмечает, что большинство статуэток, за исключением поздних (усатовского типа), формовали из двух вертикальных половинок, которые лепили отдельно, складывали, а всю внешнюю поверхность покрывали толстым слоем глины, чтобы скрыть швы. Она объясняет такой прием дуалистической идеей и приводит примеры двойных женских фигурок (Погожева 1973; 1983: 117–120), а также ссылается также на аналогичные наблюдения других специалистов (Котова 1927: 324; Бибиков 1952: 205). В действительности, в статье О. Г. Котовой, посвященной керамике из Моравии, описан способ формовки моравских статуэток на примере антропоморфной фигурки из Яромержице, когда одна нога вылеплена отдельно и присоединена к тулову, изготовленному вместе со второй ногой (Котова 1927: 342).

А. П. Погожева также подчеркивает, что такая технология — лепка из двух вертикальных половинок — прослеживается в трипольских комплексах как раннего, так и позднего периодов (Погожева 1983: 116). Если учесть, что такой способ формовки достаточно неудобен технически, то можно допустить связь его с каким-то ритуалом.

С. Н. Бибиков, анализируя антропоморфную пластику раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая, отмечал, что большинство статуэток изготавливали из одного куска глины и лишь отдельные экземпляры были составлены из двух продольных вертикальных половинок (Бибиков 1953: 205). Этот вывод сделан исследователем на основе анализа свыше 200 антропоморфных фигурок Луки-Врублевецкой.

Скорее всего, способ изготовления статуэток из двух вертикальных половинок является одним из вариантов их формовки, который применялся не очень часто, но не исключено, что этот прием лепки был связан с ритуальными действиями трипольцев. Причем возможно статуэтки лепили так, чтобы впоследствии в процессе каких-то манипуляций они раскалывались вертикально на две половины. Однако в коллекции антропоморфной пластики из Немирова такой способ лепки не встречается.

Наиболее логичными выглядят выводы румынского исследователя Д. Георгиу, который путем эксперимента определил, что тулово с ногами большинства трипольско-кукутенских статуэток изготавливали из трех кусков глины: тулово с головой-выступом и две ноги (Gheorghiu 2010; Палагута 2012: 214). Голову могли моделировать из тулова или лепить из дополнительного куска глины.

Несмотря на разнообразие трипольско-кукутенской антропоморфной пластики, можно выделить некоторые закономерности в технологических приемах ее изготовления, которые прослеживаются и на рассмотренных здесь четырех массивных статуэтках из Немирова.

Тулово и ноги у подавляющего большинства антропоморфных фигурок формовали отдельно и соединяли в области бедер, о чем свидетельствуют преобладающие сломы в этом месте.

Нижнюю часть могли изготавливать из одного куска глины в случае, если ноги были не смоделированы и имели ступкообразную форму, как у двух статуэток из Немирова. Ноги чаще всего были соединены между собой; раздельные ноги встречаются реже и, как правило, у мужских статуэток. Идея О. Г. Котовой о креплении одной ноги к туловищу, вылепленному с другой ногой вместе, на примере моравских (лендельских) статуэток, скорее всего, ошибочна. Более вероятно, что обе ноги формовали отдельно и присоединяли к торсу.

А. П. Погожева связывает происхождение статуэток с цилиндрическим или ступкообразным основанием с влиянием северного, днестровского варианта Триполья (Погожева 1983: 80–81). К сожалению, в публикации не представлены ссылки на конкретные аналогии. Автор предполагает, что подобная форма нижней части в некоторых случаях является моделировкой юбки, что вполне возможно, но только в тех случаях, где не обозначен разделитель ног.

По мнению Т. Г. Мовши, фигурки с цилиндрическим основанием, как полые, так и монолитные, происходят с территории Побужья, где они получили наибольшее распространение на этапах Триполье BII и CI (Мовша 1969: 24).

Полые статуэтки с плоским основанием встречаются реже, чем монолитные. Они присутствуют не во всех комплексах, никогда

не образуют серий и, чаще всего, сохранились в небольших фрагментах. Отдельные экземпляры были найдены на кукутенских памятниках Румынии (Matasă 1946: pl. LV, fig. 406a). Также несколько полых массивных фигурок происходят с территории Побужья (Гусев 1995а: рис. 62, *7*).

В какой-то степени их можно сопоставить с антропоморфными сосудами, известными в культуре Триполье-Кукутень (Schmidt 1932: Taf. 34, *5a–5b*; Petrescu-Dîmbovița et al. 1999: fig. 284). Но в антропоморфных сосудах тщательно обработана и внешняя, и внутренняя поверхности, то есть это именно сосуд, который чем-то наполняли, предположительно в ритуальных целях. У полых же статуэток внутренняя поверхность практически не обработана и предполагается, что она скрыта. Аналогичный пример — так называемые бинокли, у которых неорнаментированными, с необработанной поверхностью всегда оставались внутренние части нижних чаш, на которые они ставились, а не подвешивались, как иногда предполагают. Что же касается полых статуэток, то, по-видимому, доступ внутрь у них осуществлялся через отверстие, куда что-то могли закладывать. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев сохранились только нижние части таких фигурок. Целая статуэтка, у которой в голове сверху было большое отверстие, найдена на кукутенском поселении Трушешть, слой Кукутень А (Monah 1997: fig. 228, *1*).

По классификации А. П. Погожевой все статуэтки со ступкообразной (цилиндрической) нижней частью объединены в подтип C_3 (Погожева 1983: 21). Автор не публикует в своей монографии полые фигурки, видимо, из-за недостатка информации. Даже не вдаваясь глубоко в вопросы семантики, очевидно, что полые фигурки и фигурки монолитные, но также с цилиндрическим основанием, имели разное назначение, поэтому их не следует относить к одному выделенному А. П. Погожевой подтипу, как это иногда делают (Гусев 1995а: 200).

Статуэтки с плоским основанием — и полые, и монолитные — встречаются практически во всех частях трипольского ареала. Хронологический разброс их тоже очень велик: начиная от Кукутень А (Триполье А) до Кукутень В (Триполье BII–CI, CI). Наибольшее их количество в настоящее время найдено на памятниках Побужья, относящихся к концу среднего и началу позднего периода (Триполье BII и CI). Началу позднего периода (Триполье CI) соответствуют и трипольские статуэтки из поселения Немиров. В остальных регионах такие статуэтки встречаются, но единично. Скорее всего, у носителей культуры Триполье-Кукутень была потребность в фигурках, которые можно было поставить, а не вставлять в какую-то специальную подставку или «алтарь», как, видимо, закрепляли многочисленные статуэтки с веретенообразным основанием (Пассек 1949: рис. 50, *1*). Но при этом иногда встречаются экземпляры фигурок с отчетливо вылепленными ногами, которые завершаются плоской подставкой трапециевидной формы.

Подводя итог анализа антропоморфной пластики из Немирова, следует отметить, что несмотря на выборочность трипольских материалов по вышеназванным причинам, она представляет собой достаточно интересную и информативную коллекцию, которую можно разделить на три основные группы по внешним признакам. Первая – миниатюрные статуэтки, стандартные для трипольской культуры, длиной 6–15 см со схематичной проработкой деталей. Вторая группа состоит из аналогичных фигурок, но сделанных неаккуратно и неумело, что позволило их объединить в группу статуэток, сделанных детьми в подражание взрослым. Третью группу составляют статуэтки крупных размеров, достигающие 30 см и более в длину, иногда полые внутри. Также фигурки разделяются по признакам пола. В Немирове преобладают женские статуэтки, есть одна мужская и значительная часть без половых признаков, но все они слишком фрагментарны, чтобы проводить статистические подсчеты. Очевидно, что назначение антропоморфных фигурок было разным: от детских игрушек до предметов для каких-то магических обрядов. К сожалению, контекст находок неизвестен, а он мог бы дать нам больше необходимой информации.

3.4. Зооморфная пластика

Фигурки, изображающие животных, встречаются в трипольских комплексах повсеместно во все периоды существования этой культуры. В количественном отношении они значительно уступают антропоморфным.

Среди трипольских материалов из Немирова также есть небольшой набор зооморфной пластики (**рис. 103–105**). Вся она, как и антропоморфная, сохранилась лишь во фрагментах и представляет собой части фигурок, изображающих, в большинстве случаев, рогатых животных. Всего в коллекции представлены фрагменты от 30 фигурок (Приложение 3)[7]. Из них три практически целые, у одной лишь частично обломаны рога. Остальные — фрагменты передних и задних частей туловищ с частично сохранившимися конечностями. Отдельно имеются четыре головки с обломанными рогами и девять рогов от разных фигурок. Насколько можно судить по имеющимся фрагментам, длина зооморфных статуэток варьирует приблизительно от 2 до 5 см, а высота от 1,5 до 4 см.

Единственная монография, посвященная зооморфной пластике культуры Триполье-Кукутень, опубликована В. И. Балабиной (Балабина 1998). Автором были собраны и проанализированы фигурки животных от раннего до позднего этапов трипольской культуры, разработана детальная схема их описания, создана система их классификации. Эта классификация была частично использована при характеристике комплекса зооморфных фигурок из Немирова.

Зооморфные статуэтки изготовлены из мелкоструктурной плотной глины, без видимых примесей или с примесью мелкого шамота и мелкого окатанного песка, который, скорее всего, был естественной составляющей глины. Цвет глины различен. Есть фигурки желтого, розового, серого, темно-серого и оранжевого цветов, что, очевидно, зависело как от разнообразия глиняного сырья, так и от условий обжига. Поверхность могла быть неровной или тщательно заглаженной. Иногда, как и при изготовлении антропоморфных статуэток, для этого наносился дополнительный тонкий слой глины. Один статуэтка из Немирова была покрашена коричневой краской (**рис. 104, *8***).

Часть фигурок изготовлена небрежно, а возможно, неумело. Поверхность у них неровно заглажена и покрыта многочисленными следами от пальцев. Все они также имеют множество трещин, которые образовались из-за того, что статуэтки обжигались недосушенными. Как и в случае с антропоморфной пластикой, можно предположить, что часть зооморфных фигурок была изготовлена детьми. Например, одна статуэтка вылеплена с нарушением пропорций (**рис. 105, *6***). У нее не соразмерная туловищу очень маленькая голова. В нижней части туловища — плохо примазанные куски глины, из которых пытались сформировать конечности. Поверхность крайне неровная, плохо обработанная и очень напоминает поделку ребенка.

В большинстве случаев зооморфные фигурки изготовлены из одного куска глины. Короткие конечности, голова и хвост чаще всего вытягивались из туловища. В коллекции из Немирова есть как фигурки с проработанными деталями, так и крайне схематичные. Лишь одна статуэтка была вылеплена из двух продольных половин, причем каждая нога лепилась вместе с половинкой туловища (**рис. 105, *4***). Изготовление фигурок из двух половинок встречается и в антропоморфной пластике, о чем было сказано выше. Возможно, это было связано с какими-то идеологическими представлениями древнего населения (Балабина 1998: 108).

Рога крепились отдельно. Способ присоединения рогов у разных фигурок отличается, но определить его не всегда представляется возможным. Рога могли быть прилепные, когда каждый рог крепился отдельно (**рис. 103, *2, 3, 7, 8*; 104, *4*; 105, *5***), накладные — соединенные между собой дополнительной накладкой из глины, которая лепилась на голову (**рис. 103, *1, 6, 12, 13***). Также был еще один вариант — крепление при помощи дополнительного штифта, изготовленного из другого материала. В таких случаях в изломе виден след — углубление от штифта. В коллекции из Немирова есть один рог, который, возможно, крепился таким способом (**рис. 103, *3***).

Конечности на подавляющем количестве экземпляров соединены попарно. Иногда они разделены углубленной линией или выемкой (**рис. 104, *1–4, 6, 8***). Только у одной фигурки ноги широко расставлены, округлые в сечении (**рис. 104, *7***). Иногда окончания ног отогнуты назад, в стороны или подогнуты внутрь (**рис. 104, *3, 6*; 105, *4***).

У всех фигурок короткий хвост конической или шишковидной формы, выполненный

7 В монографии В. И. Балабиной опубликована таблица с восемью зооморфными фигурками из Немирова (Балабина 1998: рис. 20). Вероятно, они принадлежат части коллекции, хранящейся в фондах ИА НАН Украины в Киеве.

защипом с дополнительно подправкой. Как правило, он отставлен горизонтально или задран вверх.

Практически у всех статуэток из комплекса рога разведены в стороны. Исключение составляют только две фигурки, у которых массивные, округлые в сечении рога располагаются рядом и направлены вверх. Аналогичная постановка рогов встречается у фигурок коз, у которых близко поставленные рога отведены назад (см. Бибиков 1953: табл. 115; Vulpe 1957: fig. 236, *1*). Вполне вероятно, что статуэтки из Немирова изображают коз, но это можно предположить только по постановке рогов, поскольку в обоих случаях они обломаны. Причем у одной фигурки изначально отсутствует морда и голова, а близко посаженные рога отходят прямо от туловища. Создается впечатление, что по какой-то причине она изготовлена таким образом намеренно, поскольку все остальные детали вылеплены достаточно тщательно, а поверхность очень ровная, аккуратно заглаженная.

В коллекции также имеются две фигурки, покрытые точечными наколами (**рис. 104, *5, 9***). У одной они не очень глубокие, нанесены на спину с одного бока и частично на один бок. У другой — глубокие, ими покрыты спина, бока и зад статуэтки. Фигурки с наколами встречаются в Триполье относительно редко. Обе статуэтки изготовлены из светлой, почти белой глины и похожи по стилю: очень короткие сдвоенные конечности, массивное, слегка уплощенное с боков туловище. По мнению В. И. Балабиной, наколы на туловище могли изображать пятна на шкуре оленей или косулей. Причем такие статуэтки обычно не имеют признаков пола и изображают молодых особей (Балабина 1998: 130). Одна фигурка из Немирова без головы, со схематичной проработкой деталей подходит под такое описание, но однозначно утверждать, что это изображение оленя, нельзя. Вторую же статуэтку по экстерьеру вполне можно отнести к быкам/коровам. У нее массивное туловище, разведенные в стороны и направленные вперед рога. Назначение наколов, покрывающих практически всю поверхность, не совсем ясно. Есть предположение, что углубления разной формы могут обозначать раны, нанесенные животному во время каких-то ритуальных действий (Там же: 114). Действительно, на поверхности этой фигурки есть продолговатые углубления по центру спины, на холке и голове, напоминающие следы от ударов.

Еще одна зооморфная фигурка из Немирова имеет следы намеренной деформации. Это голова бовина, которая, судя по тщательной проработке деталей и аккуратно обработанной поверхности, изготовлена вполне профессионально, но при этом на морде имеется лишний кусок глины, прилепленный еще на сырую поверхность (**рис. 103, *13***). Однозначно объяснить, с чем это связано, также невозможно, хотя не исключено, что такая деформация еще недоделанной фигурки могла отражать, как и в случае, описанном выше, какой-то ритуал.

Выделение видов животных из комплекса зооморфных фигурок — задача достаточно сложная, и не только потому, что практически все они фрагментированы. Большинство статуэток имеет плохо проработанные детали и не обладает какими-то характерными видовыми признаками. По экстерьеру можно предположить, что большинство из них, с массивным туловом и разведенными рогами, принадлежат быкам. В частности, на одной из фигурок обозначены маклоки — выступающие кости таза, которые в сочетании с грузным телом подтверждают это предположение. Признаки пола есть только у четырех статуэток. У трех — небольшой защип на брюхе (**рис. 104, *3*; 105, *3, 4***), а у одной — продолговатый налеп, разделенный посередине (**рис. 104, *9***). Вполне возможно, что в первых трех случаях — это признаки мужского пола, а в последнем — женского (Балабина 1998: 35).

Очевидно, в составе набора зооморфной пластики из Немирова имелись и фигурки, изображающие баранов, о чем свидетельствуют длинные, слегка закрученные рога (**рис. 103, *8***).

Особо следует отметить фрагмент фигурки, которая, скорее всего, изображала птицу (**рис. 105, *7***). Статуэтки птиц встречаются в трипольских комплексах относительно редко (см. Matasă 1946: pl. LVIII; Marinescu-Bîlcu, Bolomey 2000: fig. 177, *4*). Как правило, у них плоское основание и короткий, отведенный горизонтально или опущенный вниз хвост. Фрагмент из Немирова представляет собой заднюю часть птицы с уплощенной нижней частью и маленьким бугорком, обозначающим хвост. Поверхность у нее очень неровная, грубая, с многочисленными вмятинами.

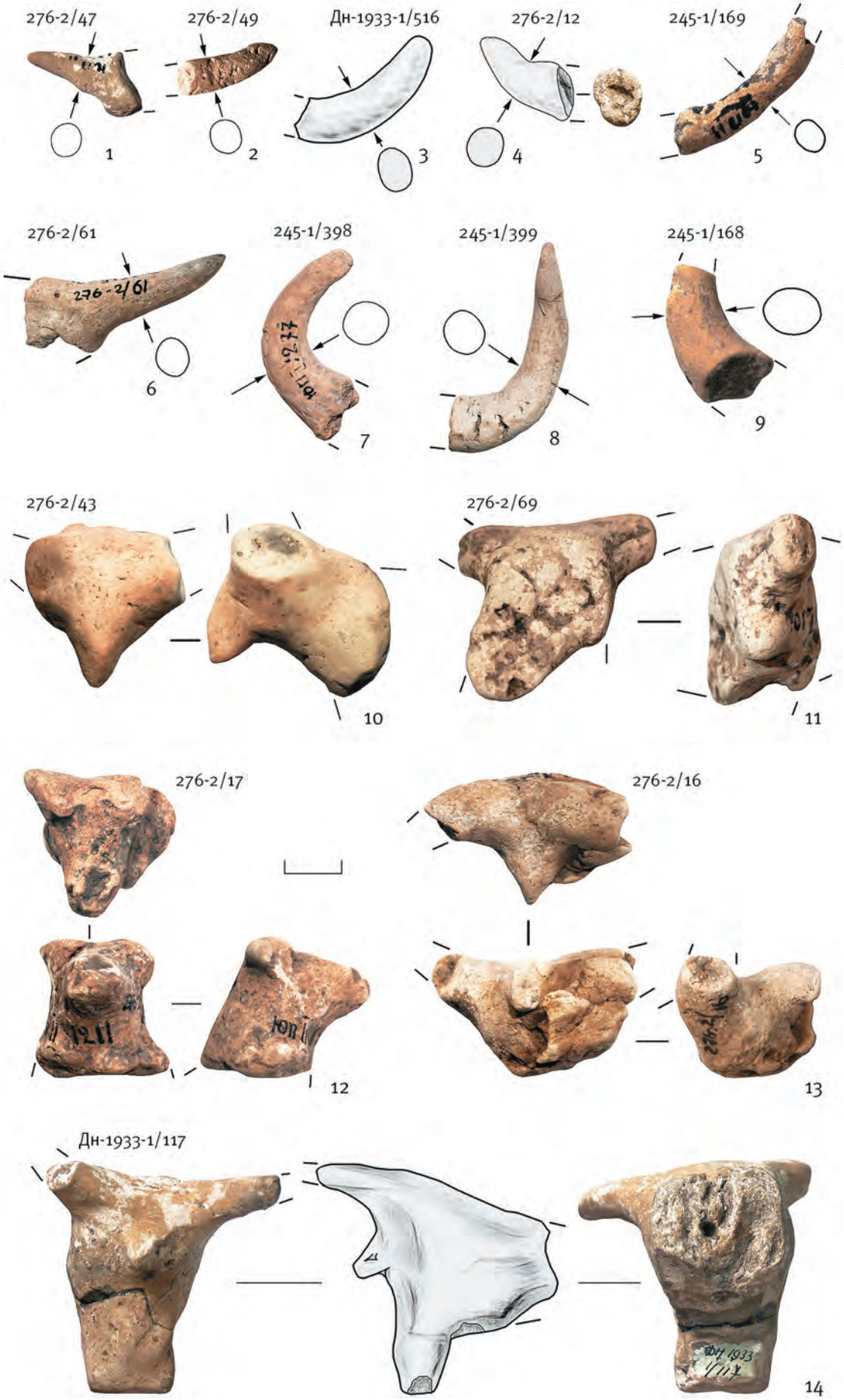


Рис. 103. Немировское городище. Зооморфная пластика трипольской культуры

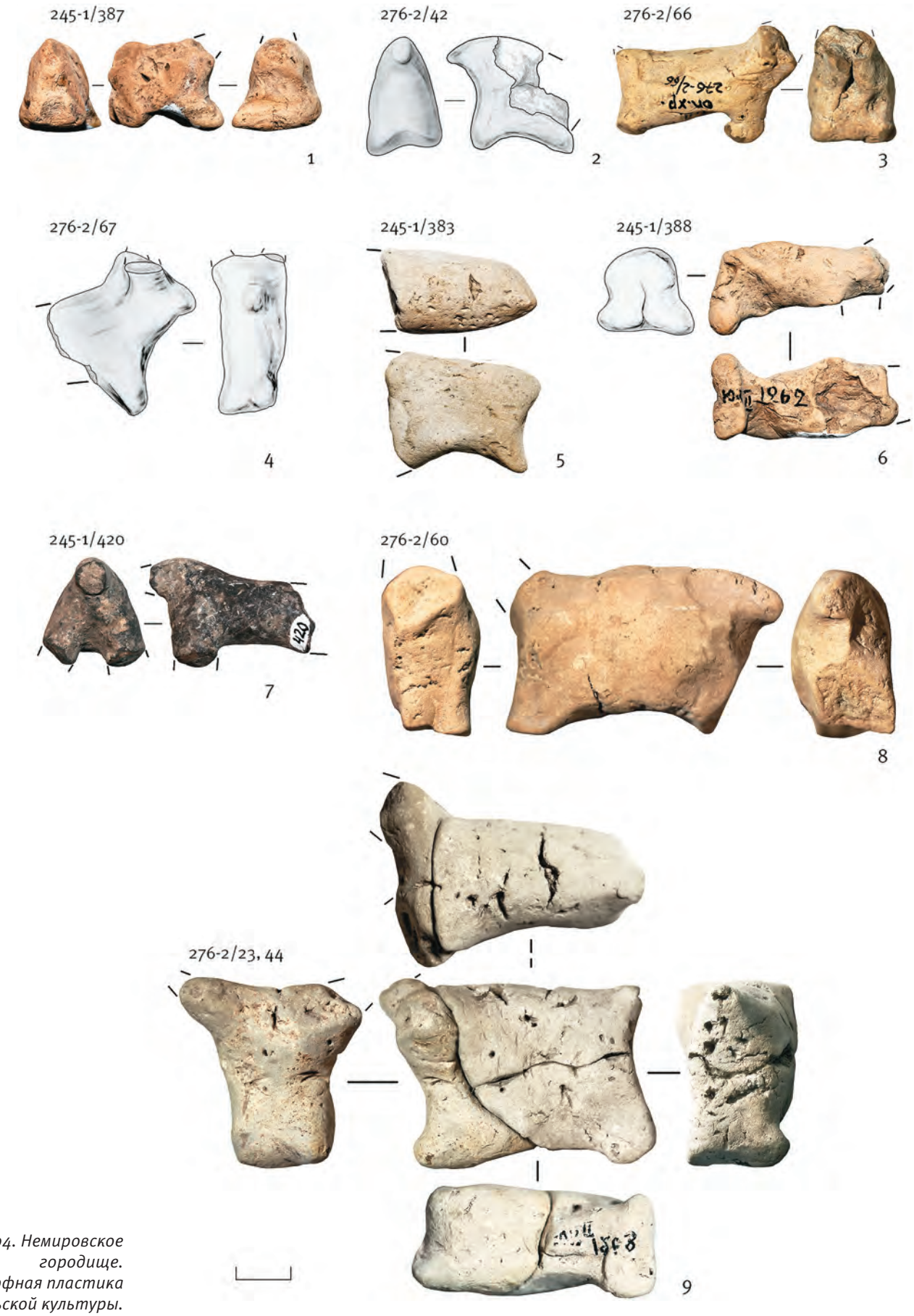


Рис. 104. Немировское городище. Зооморфная пластика трипольской культуры. (Продолжение)

Рис. 105. Немировское городище. Зооморфная пластика трипольской культуры. (Окончание)

Таким образом, в коллекции трипольских материалов из Немирова мы имеем набор зооморфной пластики, достаточно разнообразной как по внешнему облику, так и по технике изготовления. Поскольку по уже упомянутым причинам археологический контекст находок неизвестен, можно лишь предполагать, что назначение их различалось. Вполне вероятно, что часть из них была детскими игрушками, часть изготовлена руками детей в подражание взрослым, а часть была связана с какими-то ритуалами: статуэтки с глубокими наколами, напоминающими раны, и деформированные в процессе изготовления. В качестве аналогий можно привести ближневосточные находки неолитических фигурок животных, которые были изготовлены небрежно, из глины низкого качества со следами повреждений, поскольку предназначались, по мнению ряда исследователей, для ритуалов охотничьей магии (Freikman, Garfnkel 2009: 15–16; Martin, Meskell 2012: 415–416).

В целом, совокупность стилистических особенностей зооморфных фигурок из Немирова, таких как соединенные попарно ноги, наличие короткого торчащего хвоста, плоские бока хронологически соотносятся с концом среднего и началом позднего периодов — Триполье BII–CI (Балабина 1998: 34–35). Тем не менее, фрагментарность, относительно небольшое количество и невыразительность статуэток не дала бы их четкой хронологической привязки без анализа керамического комплекса, а также набора антропоморфной пластики.

3.5. Изделия из глины

В трипольской коллекции из Немирова имеется еще несколько изделий из глины (Приложение 4). Это глиняные конусы, диски, пряслица, бусины, подвеска, а также предметы неизвестного назначения (**рис. 106–108**).

Наиболее многочисленными предметами из глины в комплексе являются глиняные конусы, которые достаточно часто встречаются на памятниках трипольской культуры практически всех временных периодов (Бибиков 1953: 201; Маркевич 1981: рис. 13, *4–7*; Балабина 1998: 165–169; Peterscu-Dîmboviţa et al. 1999: fig. 377–379; Marinescu-Bîlcu, Bolomey 2000: fig. 178, *7–28*; 179, *17–30;* Попова 2003: 50).

В коллекции из Немирова всего семь конусов. Они все вылеплены из чистой мелкоструктурной глины без примесей светло-желтого цвета, слабо обожжены (**рис. 106, *6–11***). Диаметр основания не превышает 2–2,5 см, а высота 1,5–2,5 см. Основание у конусов плоское, хотя в других трипольских комплексах известны аналогичные изделия с вогнутым основанием (см. Попова 2003: рис. 31, *1, 9, 13, 15, 17*). Эти различия, очевидно, связаны исключительно с индивидуальными особенностями лепки.

Один конус выделяется среди остальных очень неровной, плохо обработанной поверхностью (**рис. 106, *11***). Судя по миниатюрным размерам вдавлений от пальцев и ногтей, можно предположить, что он был вылеплен руками ребенка. Практическое назначение глиняных конусов не ясно. Скорее всего, они могли использоваться в качестве игральных фишек (Бибиков 1953: 201; Маркевич 1981: 20). Предположительно к фишкам для игры можно также отнести предмет, отдаленно напоминающий катушку, сужающийся к центру, с плоскими окончаниями, а также фрагмент изделия с аналогичным плоским основанием и обломанный в верхней части (**рис. 106, *13, 14***).

Важно отметить, что на поселении Ворошиловка, относящемуся к той же локальной группе, что и Немиров, но к более раннему этапу, найдено более 20 аналогичных конусов. Наборы конусов были также обнаружены и на других поселениях этой локальной группы, таких как Куриловка, Лисогорка, Сосны (Гусев 1995а: 220). В то же время в трипольских комплексах встречаются конусы и с зооморфными и антропоморфными навершиями (см. Маркевич 1981: рис. 13, *6*; Шмаглій и др. 1985: рис. 5, *4–6;* Petrescu-Dîmboviţa et al. 1999: fig. 377, *1*).

Пять предметов, скорее всего, имели декоративное назначение. Это две бусины округлой и одна продолговатой формы, плоская овальная «подвеска», а также миниатюрный округлый диск с отверстием посередине (**рис. 106, *1–5***). Подвеской, по-видимому, можно считать и фрагмент кости, разрезанной вдоль, отшлифованной до блеска, с отверстием с одного края

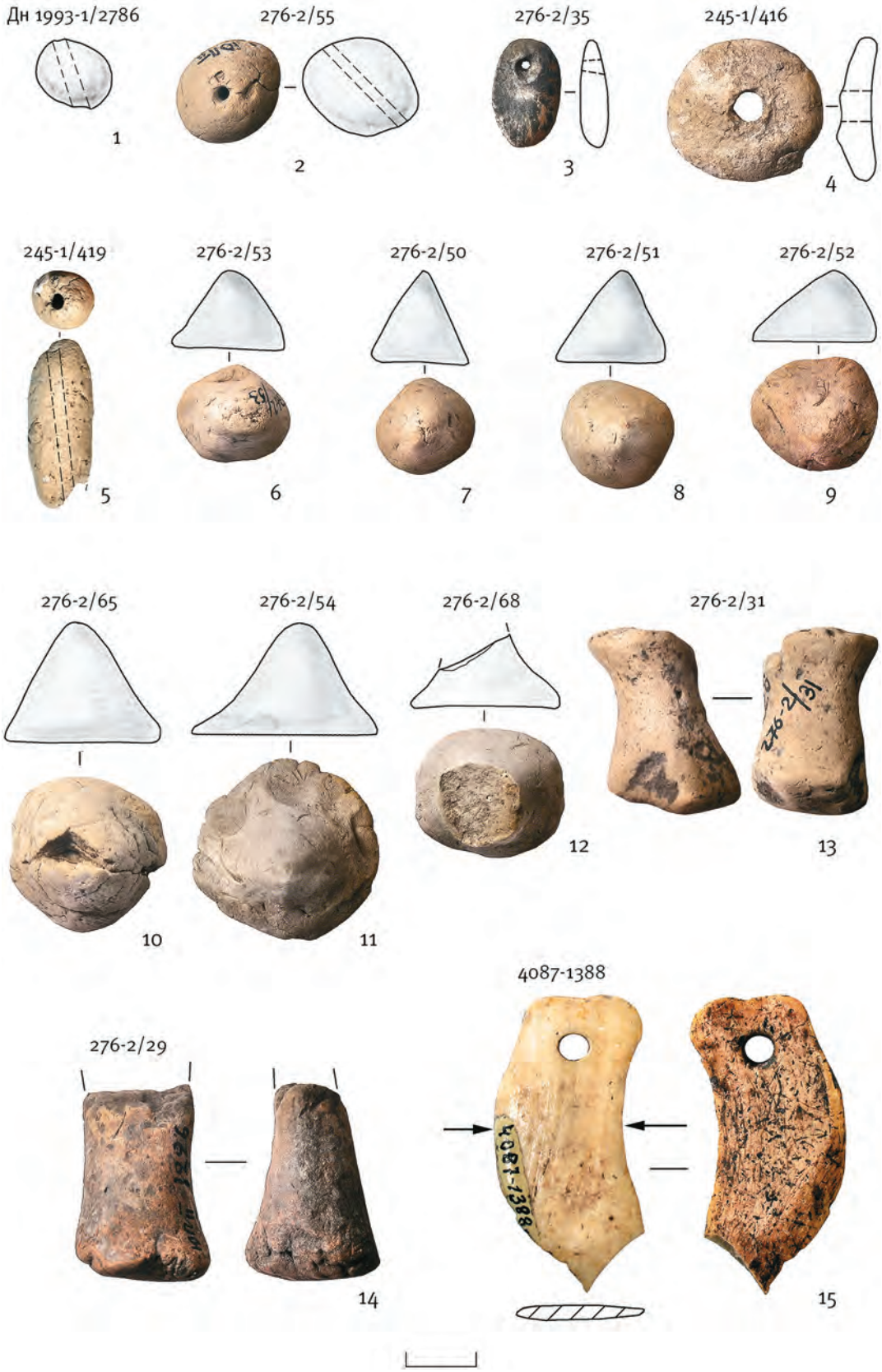
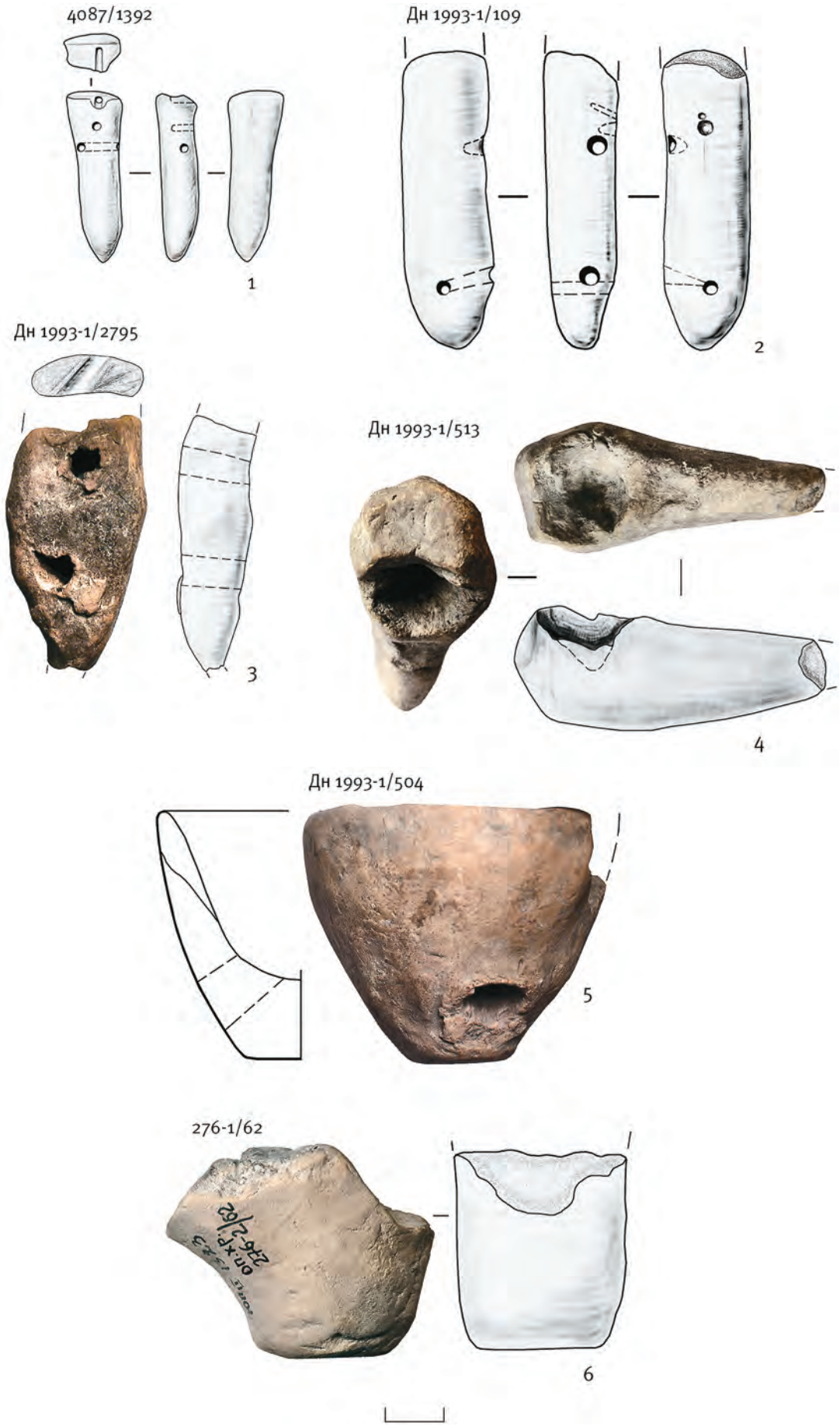


Рис. 106. Немировское городище. Изделия из глины и кости (15) трипольской культуры

Рис. 107. Немировское городище. Изделия из глины трипольской культуры



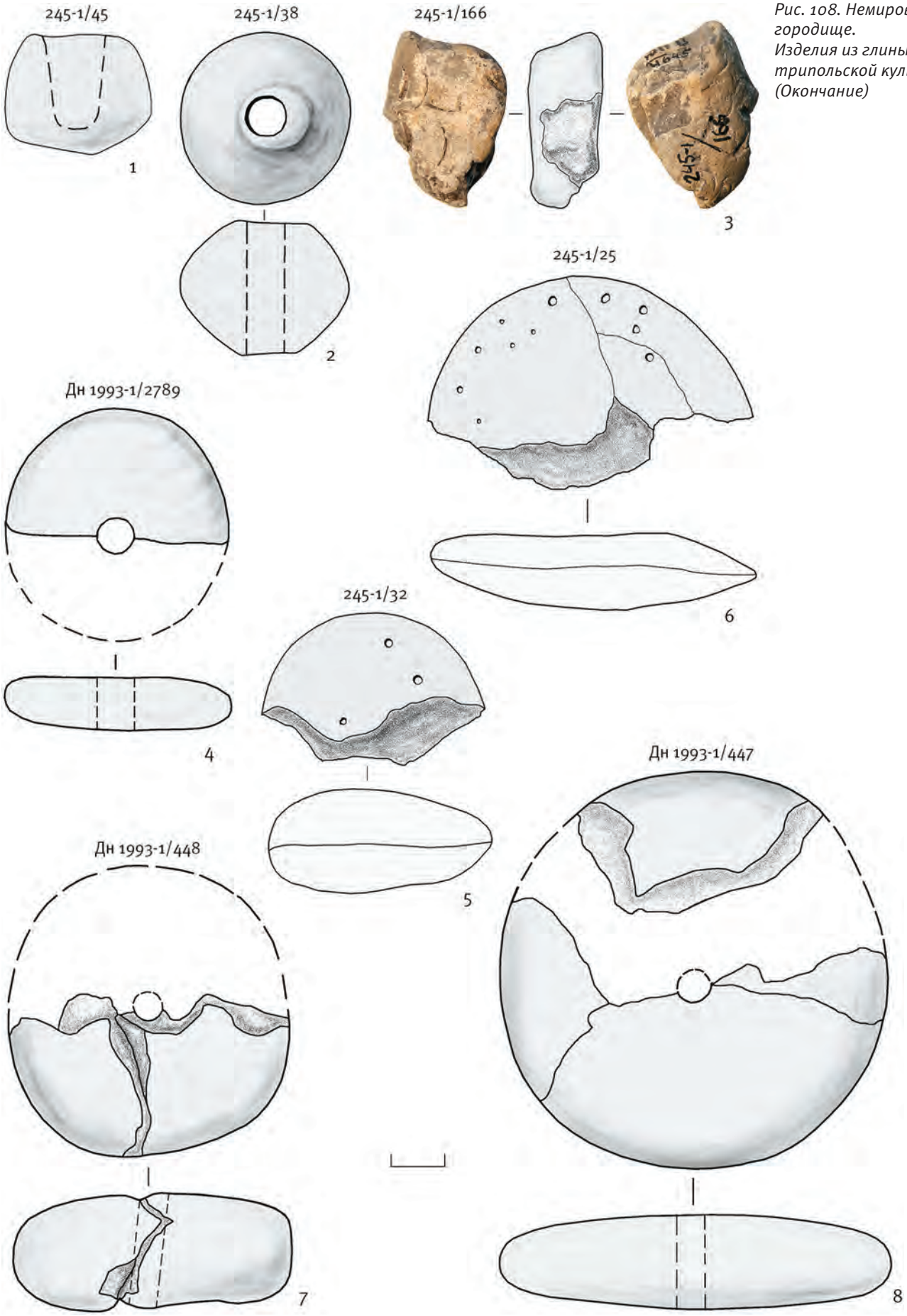


Рис. 108. Немировское городище. Изделия из глины трипольской культуры. (Окончание)

(**рис. 106, *15***)[8]. Однако, судя по интенсивному блеску поверхности, не исключено, что это было небольшое лощило.

Среди изделий из глины в коллекции имеется пряслице биконической формы. Оно изготовлено из очень плотной глины, а его поверхность заглажена до блеска (**рис. 108, *2***). К предметам, вероятно, выполняющим ту же функцию оттяжки или утяжелителя, можно отнести три плоских диска с округлым отверстием посередине (**рис. 108, *4, 7, 8***). Еще одно изделие по форме напоминает пряслице, но отверстие в нем несквозное (**рис. 108, *1***). Оно изготовлено из мелкоструктурного теста практически без примесей. Этот предмет мог также выполнять роль какого-то утяжелителя или навершия.

К глиняным предметам непонятного назначения относятся два плоских изделия округлой формы диаметрами 4,5 и 6,7 см с точечными наколами на поверхности (**рис. 108, *5, 6***). Каждый из них сформован из двух лепешек глины. Наколы нанесены бессистемно острым, округлым в сечении предметом. Отсутствие, на современный взгляд, каких-либо функциональных деталей пока не позволяет определить их назначение. Похожее изделие было найдено на трипольском поселении позднего периода Троянов — тоже плоское, округлой формы, но с ямками вместо точечных наколов. Этот предмет из Троянова определен автором как вотивный (Видейко 2004а: 554).

С двумя описанными выше изделиями соотносится фрагмент плоского предмета из коллекции Немирова неопределенной формы с многочисленными отпечатками ногтей (**рис. 108, *3***). Причем ногтевые отметины сделаны намеренно по уже заглаженной поверхности и расположены в одном направлении.

В археологической литературе неоднократно упоминались находки на трипольских поселениях изделий в виде небольших лепешек глины. Они названы исследователями «глиняными хлебцами», возможно, использовавшимися для проведения каких-то ритуалов, связанных с земледелием (Заец, Рыжов 1992: 137, рис. 53, *4*; Цвек 1993: 85; Бурдо 2004: 574–575). Так называемые глиняные хлебцы, также охарактеризованные как предметы культа, встречаются и на поселениях позднего бронзового века культур Ноуа, сабатиновской и белогрудовской (Балагури 1985: 485; Березанская, Шарафутдинова 1985: 496; Березанская 1985: 508). По внешнему виду три глиняных диска из коллекции Немирова напоминают такие «хлебцы», но без археологического контекста и более конкретных аналогий относить их к предметам культа нет достаточных оснований.

Исключительно функциональное назначение, по-видимому, имел продолговатый предмет, по форме напоминающий ложку (**рис. 107, *4***). Изделие сделано достаточно грубо, но из мелкоструктурной глины и, несмотря на неровную поверхность, тщательно заглажено. Ложки в трипольских комплексах встречаются относительно редко (см. Бибиков 1953: табл. 52; 53; Petrescu-Dîmboviţa et al. 1999: fig. 323, *12*). Зато черпаки — аналогичные предметы, но более крупных размеров — встречаются гораздо чаще (см. Matasă 1946: pl. XLII; XLIII; Vulpe 1957: fig. 199; 202). Здесь можно согласиться с С. Н. Бибиковым, который в свое время высказал мнение, что ковши (или черпаки), скорее всего, являлись производными от ложек, а очень незначительное количество находок ложек объясняется тем, что они, возможно, изготавливались в основном из другого материала, например из дерева (Бибиков 1953: 144).

Среди небольшого, но довольно разнообразного набора предметов из глины следует отметить толстую, округлую в сечении короткую ножку от модели жилища или от так называемого алтарного столика (**рис. 107, *6***). Ножки зооморфных сосудов обычно менее массивные. «Алтари» или «алтарные столики» встречаются не только в трипольской культуре. Они получили достаточно широкое распространение и в энеолитических культурах Балкан (Николов 2007). Как правило, они представляют собой плоскую поверхность различной формы (в виде круга, треугольника, квадрата) с бортиками на трех или четырех ножках. Не исключено также, что ножка принадлежала какой-то массивной зооморфной статуэтке или модели жилища.

Несколько глиняных изделий из представленного набора предположительно объединены каким-то общим функциональным назначением. О каждом следует сказать отдельно. Первое — в виде столбика, округлого в сечении, один конец которого обломан,

[8] Изделий из кости в коллекции трипольских материалов из Немирова больше нет, и мы посчитали возможным упомянуть этот предмет здесь.

а другой конической формы. На нем расположено два сквозных и два несквозных отверстия диаметром 1 мм (**рис. 107, *1***). Второе изделие аналогично первому, но больших размеров, также со сквозными и несквозными отверстиями диаметром 2 мм, расположенными несколько иначе, чем у первого (**рис. 107, *2***). Прямых аналогий в культуре Триполье-Кукутень нет, во всяком случае, не опубликовано. Изделия со сходным сочетанием сквозных и несквозных отверстий, но имеющие плоское основание, обнаружены всего на двух поселениях — Трушешть и Хэбэшешть (Dumitrescu et al. 1954: fig. 37, *7, 9, 10, 17, 18*; Petrscu-Dîmboviţa et al. 1999: fig. 380, *1–4, 6*). Назначение их не определено, все они считаются культовыми.

Учитывая сложную систему отверстий, очень узких в диаметре, можно предположить, что эти изделия каким-то образом связаны с ткацким производством. Ткачество в Триполье и других (соседних) энеолитических культурах рассмотрено в целом ряде общих и специальных работ (см. Макаревич 1960: 29–32; Новицкая 1960; Chmielewski 2009). Основными источниками о его развитии в Триполье являются отпечатки тканей различного плетения на донцах сосудов, многочисленные пряслица и массивные грузила, которые могли использоваться для ткацких станков. В западных энеолитических культурах, а также в Малой Азии и на Балканах встречаются сосуды со специальными петлями внутри, применявшиеся при прядении нитей (Chmielewski 2009: 149–153). Реконструкция приспособления для протягивания и переплетения нитей, приведенная в монографии Т. Я. Хмелевского, наводит на мысль о том, что два вышеописанных предмета могут быть элементом подобной конструкции (Ibid.: рис. 96).

Не исключено, что плоский предмет вытянутой формы с тремя отверстиями, проделанными по сырой глине, мог также использоваться в ткацком производстве в качестве элемента распределителя нитей (**рис. 103, *3***).

Изделие в виде миниатюрной миски с округлым отверстием у дна (верха?), очевидно, миской не являлось, поскольку отверстие в нем проделано в процессе лепки (**рис. 107, *5***). Изначально возникла идея, что эта «миска» могла быть связана с литейным производством. В Отделе научно-технической экспертизы ГЭ был проведен рентгенофлуоресцентный анализ внутренней, внешней и торцевой поверхностей данного предмета. Исследования показали, что элементный состав во всех случаях идентичен. Оптическая микроскопия также не выявила следов зашлакованности и какого-либо дополнительного термического воздействия. Поэтому возникло другое предположение — об использовании данного изделия в ткацком деле, например для предотвращения спутывания нитей.

Подводя итог анализа изделий из глины, хотелось бы заметить, насколько важно обращать больше внимания на предметы, функциональное назначение которых пока не определено из-за их фрагментарности и отсутствия аналогий. Зачастую исследователи избегают публиковать подобные находки или условно, без особых на то оснований, относят их к предметам культа. На самом же деле накопление информационной базы дало бы значительно больше возможностей не только для определения функции подобных изделий, но и для реконструкции ремесленной деятельности энеолитического населения в целом.

3.6. Выводы

Публикация материалов трипольской культуры, происходящих из Немирова, является очередным опытом работы с музейными коллекциями без археологического контекста и почти с полным отсутствием полевой документации. Тем не менее, статистическая обработка и выделение количественного и процентного соотношения форм керамики, несмотря на выборочность материала, дает представление и о функциональном наборе посуды эпохи развитого Триполья.

Подробный анализ керамического комплекса, зооморфной и антропоморфной пластики, каменного инвентаря (см. Приложения 2–5) также позволил сделать ряд существенных выводов относительно хронологии и атрибуции материалов памятника.

В свое время С. А. Гусев исследовал целую группу трипольских памятников на территории Среднего Побужья и выделил их в среднебугский локальный вариант. Наиболее ранние из этих поселений принадлежали этапу BI–BII среднего Триполья, а поздние — этапу CI начала позднего (Гусев 1995а:

79; 1995б). Поскольку С. А. Гусев полагал, что Немиров и Немиров — урочище «Могилки» являются двумя разными хронологически последовательными трипольскими поселениями, первое он сопоставлял с этапом BII среднего периода Триполья, а второе — с этапом CI начала позднего.

Как уже отмечено выше, изучение полевой документации и анализ керамики показали, что коллекции из Немирова и Немирова — урочище «Могилки», а также Щербатова городища представляют материалы одного поселения. Керамический комплекс всех трех коллекций идентичен. Биконические сосуды с трапециевидным горлом и реповидным туловом, также наличие острого ребра в формах расписной посуды являются поздними признаками, характеризующими этап CI. Причем остроребeрные формы напрямую связаны с необходимостью массового керамического производства на поселениях-гигантах, появившихся в Триполье в начале позднего периода (этап CI) на территории Буго-Днепровского междуречья, где сосуды для ускорения процесса стали формоваться из стандартных верхних и нижних частей. При этом следует отметить, что в Немирове наряду с остроребeрными сохранялись и сосуды с плавным S-видным профилем. Поселение в Немирове было относительно небольших размеров, техника конструирования керамики из двух частей здесь использовалась, но в ней не было острой необходимости. Она не была стандартизирована так, как на поселениях-гигантах, и применялась в основном для изготовления сосудов небольших размеров, например кубков.

Роспись на сосудах из Немирова монохромная, выполненная в стиле ε, по классификации Г. Шмидта, что характерно для трипольских керамических комплексов конца среднего и начала позднего периодов — этапов BII и CI. В орнаменте на керамике из Немирова доминируют метопные композиции и практически нет спиралей, широко распространенных на этапе BII среднего периода. Также на одном биконическом сосуде есть схематичное изображение птицы, что является одним из хронологических маркеров этапа CI.

Находки статуэток крупных размеров со ступкообразным основанием, несмотря на широкий хронологический разброс, максимально концентрируются на трипольских поселениях Побужья, соответствующих этапам BII и CI. В то же время основанием для сопоставления трипольского слоя из Немирова с началом позднего периода можно считать наличие в наборе антропоморфной пластики женской статуэтки с младенцем на руках, поскольку подобные изображения были обнаружены в трипольских комплексах именно этого хронологического горизонта, таких как Сушковка, Майданецкое, Кринички.

Таким образом, в трипольском керамическом комплексе из Немирова представлены в равной мере элементы, характерные как для конца этапа BII, так и для CI. Граница перехода от конца среднего к позднего периоду Триполья не имеет достаточно четких критериев, что уже не раз было отмечено исследователями. Это также связано с локальными особенностями относительно одновременных памятников на разных территориях ареала (см. Дергачев 1980: 9; Старкова 2009: 303). Поэтому можно считать, что трипольские материалы Немировского городища из фондов ГЭ, собранные в три коллекции: собственно Немиров (№ 245), Немиров — урочище «Могилки» (№ 276), Щербатово городище (№ 4087), — являются материалами из одного поселения, соответствующего началу этапа CI Триполья. Радиокарбонные даты этапа CI укладываются в промежутки 3850–3500 гг. до н.э. (по Mantu 1998) или 3600–3200 гг. до н.э. (по Відейко 2004).